

М. А. КАЛАНДИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ
СТАРОГО ПЕДАГОГА

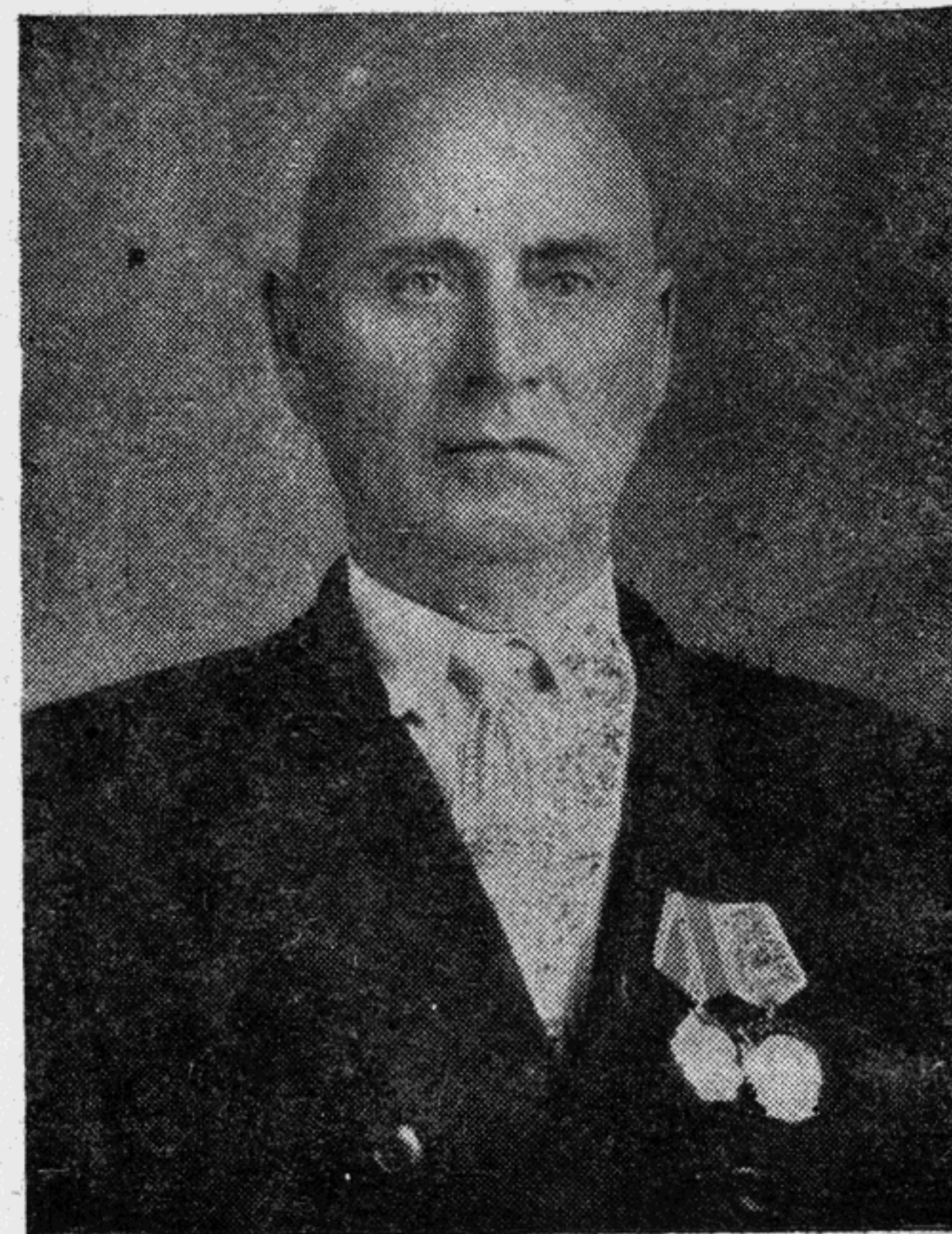
АБГОСИЗДАТ
1962

М. А. КАЛАНДИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ
СТАРОГО ПЕДАГОГА

АБГОСИЗДАТ
1962

Глава I

ЮНОСТЬ

В сентябре 1894 года я поступил в Моквинскую церковно-приходскую школу. Это была одна из лучших церковно-приходских школ дореволюционной Абхазии. Хорошим своим состоянием она была обязана не церковной администрации, а заботам местного крестьянства. Несмотря на бедность и культурную отсталость крестьяне всячески помогали школе, отдавая подчас последнее для того, чтобы их дети могли учиться.

Нашим учителем был Петр Георгиевич Чарая. Педагог по призванию, автор ряда трудов по педагогике, прекрасный и чуткий человек он горячо любил детей и дети любили его. Чарая никогда не кричал на детей и не бил их, как это нередко делали другие учителя. Он был строг, но справедлив; мы уважали и слушались его. На его уроках всегда стояла такая тишина, что можно было слышать полет мухи. Петр Георгиевич был требователен и к себе: не было случая, чтобы он пропустил или опоздал на урок без уважительной причины. Его уроки были полноценны и доходчивы. Он не повышал голоса, речь его была плавной, дикция — хорошей. У Чарая был прекрасный почерк; его рукописи слу-

жили для нас, школьников, образцом каллиграфии. На уроках Петр Георгиевич широко применял наглядные пособия. В совершенстве владея грузинским и абхазским языками, Чарая объяснял на родном нам языке непонятные для нас слова.

Петр Георгиевич уважал крестьян, и те часто обращались к нему с просьбой написать заявление, растолковать что-либо непонятное. Он не ходил в церковь и недолюбливал попов. Те, конечно, об этом знали и писали на него доносы высшему духовенству. Особенно допекал его своими доносами благочинный Д. Маргания.

Церковники всячески преследовали Петра Георгиевича и старались изгнать его из школы. С этой целью, как мне рассказывал впоследствии старый абхазский педагог М. И. Гулиа, сухумский епископ Сергей вызвал епархиального наблюдателя Ястребова и предложил ему послать в Моквскую школу опытного учителя с тем, чтобы тот произвел ревизию и собрал необходимые материалы для снятия Чарая.

— Меня это озадачило, — рассказывал Гулиа. — Но не выполнить приказа я не мог. Когда я приехал в Моквинскую школу, Чарая был на уроке. Я решил не мешать ему и пошел к нему на квартиру, думая, что там найду ученические тетради и проверю их, пока нет Петра Георгиевича. В уютной чистенькой комнате учителя были книжный шкаф, гардероб, письменный стол. Я обратил внимание на обилие книг, журналов и газет. Ученические тетради аккуратными стопками лежали на столе. Я взял одну из книг. На ее обложке было написано: «Общие основы дидактики». Автор — П. Г. Чарая; взял вторую книгу, читаю: «Связь обучения с жизнью». Автор — П. Чарая. Беру третью: «Психоло-

гические основы обучения». Автор все тот же. Книг оказалось несколько, автором всех их был Петр Георгиевич. Я подошел к этажерке, на ней лежали труды: Локка, Руссо, Коменского, Песталоцци, Толстого, Пирогова, Ушинского. Среди этих книг я нашел труд П. Г. Чарая «Педагогические идеи Гогешвили». Эта работа была издана на грузинском языке. Все эти книги много сказали мне об их авторе и хозяине. Представляете мое положение? Я приехал ревизовать человека большого ума — человека, который на голову выше меня! Пока я об этом думал, пришел Петр Георгиевич. Я поздоровался с ним и, растерявшись, задал нелепый вопрос, почему он не женится? Учитель положил тетради и спросил:

— Михаил Иосифович, какими судьбами?

Я не хотел, чтобы он догадался о цели моего приезда и ответил, что был у дальних родственников, а теперь вот зашел его проведать. Чарая улыбнулся и пригласил меня сесть. Когда я вернулся в Сухум, Ястребов спросил меня:

— Ну, что вы сделали?

Я ответил, что ничего.

— Почему? — удивился он.

Этот разговор происходил в присутствии других членов епархиального училищного совета. Я сказал, что Чарая не сможет ревизовать не только рядовой учитель, но даже сам епископ Сергей. Потом я рассказал им все, что видел на квартире П. Чарая. Они переглянулись между собой и смущенно замолчали. Подумав, Ястребов сказал:

— Михаил, зайдем к епископу, ты ему доложишь.

Мы вошли к Сергею, я доложил ему все и посоветовал оставить Петра Чарая в покое.

Я привел рассказ М. И. Гулиа для того, чтобы показать, в каких тяжелых условиях приходилось работать при царизме даже таким выдающимся педагогам, как П. Г. Чарая. Положение остальной учительской массы было еще хуже. Согласно отчету о летних учительских курсах, проведенных в Тифлисе для учителей церковно-приходских школ в 1899 г., большинство учителей, приехавших из Гурийско-мегрельской и Сухумской епархий были «в отношении физического здоровья слабые... Это явление, по нашему мнению, объясняется... крайней материальной необеспеченностью учителей...»¹

Но вернусь к своим воспоминаниям.

Закон божий нам преподавал священник Иосиф Жордания — грубый и жестокий человек. Он кричал на нас, бил, ставил на колени, оставлял без обеда. Раз он побил меня и выгнал из класса лишь за то, что на обложке моей книги «Закон божий» я написал свое имя и фамилию по-грузински.

— Ах ты, нехристь! — заорал он зычным голосом. — Язык сатаны изучаешь!

Жордания настаивал на исключении меня из школы. Только заступничество П. Г. Чарая спасло меня.

В 1895 г. в селе Поквеша Кодорского участка крестьяне сами построили школу. В нее перевели нашего любимого учителя П. Г. Чарая, а на его место прислали Георгия Сихарулидзе. Отец его был священником в селе Чохатаури Озургетского уезда. Георгий окончил духовное училище и к тому времени уже имел 11-летний стаж педагогической работы.

¹ Цитирую по работе А. П. Дудко «Из истории дореволюционной школы в Абхазии (1851—1917 гг.)». Сухуми, 1956 г. стр. 231.

Но разница между Чарая и Сихарулидзе была такова, что их нельзя было даже сравнивать. Вдобавок, Сихарулидзе не знал мегрельского и абхазского языков. Мы не всегда понимали его.

В конце мая 1896 года к нам в класс быстро вошел И. Жордания и громко скомандовал:

— Встать, смирно, ревизия идет!

Мы вскочили, наш учитель смутился, а у нас, что называется, душа в пятки ушла. Вслед за Жордания в класс важно вошли высокий и толстый главный ревизор миссионер (не помню его фамилии). Он был в белой рясе с золотым крестом на груди, за ним — благочинный Д. Маргания, П. Г. Чарая, помощник начальника Сухумского округа князь Х. Анчабадзе в полной офицерской форме, начальник Кодорского участка князь К. Дзяпшпа и ряд незнакомых нам князей и дворян — «знатных» людей Абхазии. Многие из них были в черкесках, в мундирах при оружии. Были даже полицейские стражники с ружьями. Можно было подумать, что предстоит не ревизия сельской школы, а восшествие на престол. Не трудно представить себе, как на нас, крестьянских детей, подействовал этот блестящий синклит.

— Здравствуйте, божьи дети! — сказал ревизор.

Все 78 учеников стояли молча, опустив головы. Ревизор смотрел на нас с удивлением, потом спросил:

— Что же вы молчите, детки?

Не получив ответа, он посадил нас и задал ученикам первого отделения несколько вопросов из пройденного курса. Все молчали. Ревизор перешел ко второму отделению. Тот же результат. Наконец, — к ученикам третьего отделения. Здесь на пе-

редней парте сидели А. Дзяпш-ипа, М. Тужба и я. Все мы были первыми учениками, но и от нас он не получил ответа на свои вопросы. В классе наступило неловкое молчание. Ревизор был поражен. Он стоял удивленный, молча глядя на нас. Потом, обратившись к помощнику начальника округа, заметил:

— Николай Павлович, если он, — ревизор, показал на нашего учителя, — здесь сеял, то неужели из 78 зерен ни одно не дало всхода? По всему видно, что он даром ел государев хлеб.

Ревизор направился к столу учителя и сел. Рядом с ним уселся худощавый, длиннобородый священник; они стали писать акт. Тогда благочинный Д. Маргания — постоянный гонитель П. Г. Чарая поспешил сказать:

— Здесь не он один, а двое сеяли: сначала Чарая, а потом Сихарулидзе. Оба виноваты.

Сихарулидзе стоял, прислонившись к стене, ни живой, ни мертвый. Губы у него дрожали. Ему грозила потеря работы, потеря куска хлеба для него и его семьи.

Как потом стало известно, на эту ревизию П. Чарая был приглашен для того, чтобы опорочить его педагогическую деятельность, результатом чего было бы отстранение его от школьной работы. Чарая хорошо понимал намерения церковников. Когда они стали писать акт, он подошел к нам и шепотом по-абхазски спросил:

— Что с вами случилось? Разве вы не видите, что вашего учителя снимают с работы за то, что вы не отвечаете. Неужели за год вы забыли все, чему я вас учил? Стыдитесь. Вы подвели и его и меня.

Я хорошо понял то, что ревизор сказал по адресу нашего учителя и мне было жаль Сихарулидзе,

но отвечать я не осмелился. Когда же Чарая обратился к нам, я сказал ему, что если бы спросил он, я бы ему ответил, а ревизора я боюсь.

— Значит ты сможешь отвечать? — спросил Чарая обрадованно.

Я ответил, что смогу. Тогда Чарая обратился к ревизору:

— Подождите писать акт. Учитель не виноват. Дети просто боятся вас.

— Я этому не верю, — возразил ревизор. — Ваши ученики ничему не научились.

— История педагогики не знает подобной ревизии, — сухо заметил Петр Георгиевич. — Ревизор в сопровождении вооруженной охраны, многочисленной свиты. Сами посудите, как это действует на детей.

Замечание Чарая не понравилось миссионеру. Все же он вынужден был разрешить Чарая самому опрашивать нас. Петр Георгиевич подошел ко мне и, как хорошая чонгуристка настраивает инструмент, сумел настроить меня. Я правильно отвечал на все его вопросы. Видя это, миссионер подошел ко мне. Но только он приблизился, я замолк. Тогда он стал ласково убеждать меня не бояться его, но я стоял, не поднимая головы. Только после нескольких ободряющих слов, сказанных мне по-абхазски П. Г. Чарая, я подошел к доске и решил задачу, предложенную мне ревизором. Потом я ответил на его вопросы, главным образом из «священного писания». Ревизор остался доволен. Он подарил мне какую-то серебряную мелочь, евангелие, медный крест на шелковой ленте и предложил Сихарулидзе к концу августа доставить меня в Кутаис для поступления в духовную семинарию на казенный счет.

Когда я пришел из школы домой, там была одна мать. Я рассказал ей все, что произошло в школе, показал подарки. Она обрадовалась.

— Сынок, дай я их спрячу, а когда придет отец, я ему покажу и расскажу о твоём успехе. Может быть он согласится отпустить тебя учиться в Кутаис.

Когда пришел отец, мать рассказала ему обо всем, потом показала подарки.

— Наш сын отличился, — сказала она. — Большой человек дал ему это и предложил учителю подготовить нашего сына за лето для поступления в Кутаисскую духовную семинарию.

Отец посмотрел подарки, подсчитал мелочь. Её оказалось 5 рублей 25 копеек. Он улыбнулся.

— Деньги вещь хорошая. За них можно купить три козы, а двадцать коз куплю я, и он будет их пасти. Крест пригодится для починки старого таза, книги хватит мне для курения на целый год, а ленты девочки вплетут в косички.

Так отец распределил мои подарки. Мать стала возражать ему, говорила, что он оскорбляет бога.

— Бог в этом деле не принимал участия, — смеялся отец. — Все это — дело рук попов.

Мать покачала головой.

— Зачем в присутствии мальчика ты говоришь такие вещи?

— Ничего, — ответил отец, — пусть узнает правду. Это ему полезно будет. А о дальнейшей учебе нечего и говорить. Бедны мы для этого...

Мать не стала спорить с отцом. Она решила, что до августа он, возможно, передумает и отпустит меня в Кутаис. Тайком от отца она помогала мне, и я через день ходил, крадучись, к Сихарулидзе готовиться к экзаменам в семинарию. За это я носил

его жене продукты. Но мне не повезло. В конце июля Сихарулидзе получил сообщение о тяжелой болезни отца и уехал в Гурию. Со мной стал заниматься местный дьякон, но он знал, пожалуй, меньше меня, и уроки пришлось прекратить.

Сихарулидзе вернулся, похоронив отца, 10 августа. Он был очень огорчен, узнав, что я больше не занимаюсь, но, проверив мои знания, решил все же попытаться уговорить моего отца отпустить меня в Кутаис. К нам домой явилась целая депутация. Кроме Сихарулидзе, пришли попечитель школы князь Дзяш-ипа, дворянин Т. Гарцкия, старшина Моквинской общины С. Тарба. Но отец был непреклонным.

— Спасибо за вашу заботу, — говорил он. — Но сын будет жить с нами.

В семинарию отец меня не пустил.

Пришла осень — мягкая, солнечная, расцвеченная яркими красками, от цыплячей желтизны до багрянца. Пользуясь погожими днями, крестьяне спешили убрать кукурузу, фасоль, виноград, фрукты. Наша семья управилась с уборкой кукурузы, осталось собрать лишь чалу. Мы работали в поле. Издали слышен был скрип арбы, доносились веселые песни, неподалеку шумела река. С пригорка виден синий морской простор. Далеко, далеко дымит пароход. К нам подъехал знакомый отца Осман Андарбуа. Он, не слезая с лошади, поздоровался с отцом, потом сказал:

— Антон, дай мне твоего сына на месяц в работники. Я вперед заплачу тебе два рубля, а ему сошью чувяки.

Отец взял деньги и приказал мне немедленно отправиться с Османом. Мне было очень обидно. У

нас не было большой нужды, зачем же надо было отдавать меня в батраки? Но разве я мог возражать отцу? Теперь о семинарии нечего было и думать. Так я стал батраком кулака Османа. Я спал в конюшне, есть мне давали на кухне и почти одну мамалыгу. Работал я у него с раннего утра и до позднего вечера — убирал кукурузу, резал чалу, собирал фасоль. Чувяки хозяин мне не купил, считая, что для батрака это излишняя роскошь. Я ходил босиком. Нередко меня оставляли на ночь в поле стеречь убранную, но невывезенную еще кукурузу.

Помню, однажды я лежал у своего шалашика и жарил на костре кочаны молодой кукурузы, которые собирался есть с орехами. Признаюсь, я и сейчас считаю, что нет ничего вкуснее жареной молодой кукурузы с орехами. Была теплая, даже душная ночь, далеко где-то погромыхивал гром. Мне было немного страшно — близ меня не было ни одной живой души. Внезапно я услышал шорох, кто-то ворошил чалу, которой была накрыта кукуруза. Я знал, что буйволы и коровы, а особенно свиньи — большие любители кукурузы. Но здесь был кто-то другой. Я вспомнил, как однажды встретился с медведем. Мне удалось от него убежать. Но тогда люди были близко, они помогли мне. А здесь? Это был несомненно медведь. Волосы зашевелились у меня на голове. Вдруг мне пришли на память слова одного охотника, рассказывавшего о том, что медведи и волки боятся огня. Но где было взять спасительный огонь? Мой костер уже догорал; в нем остались едва тлеющие головешки. Я взял сноп сухой чалы, зажег его и перебросил через кучу кукурузы. Зверь взревел и бросился бежать. Но мои испытания, однако, не кончились: факел хотя и отогнал медведя,

но от него загорелась сложенная в кучу кукуруза. К счастью меня выручил сильный дождь; он залил огонь, и я спокойно просидел в шалаше до утра.

Когда я рассказал Осману о посещении медведя, он высмеял меня и сказал, что мне медведь приснился. Осман погрузил часть кукурузы на арбу и отправился, в сопровождении шурина, домой. Затем он вернулся один. Мы сложили в арбу остаток кукурузы. Он приказал мне отвезти ее домой, а сам верхом куда-то уехал. У переправы через Мокву я остановил буйволов. После ночного дождя река сильно поднялась. Что было делать? Не ждать же, когда вода спадет. Я погнал буйволов, они смело вошли в воду. На середине реки, где течение было особенно сильное, арба опрокинулась. Буйволы, сломав ярмо, освободились и благополучно выбрались на противоположный берег, а арбу с кукурузой подхватило течение и понесло вниз. Я был в отчаянии. Если ночью от огня могла погибнуть только кукуруза, то сейчас гибли и кукуруза, и арба. Не раздумывая, я сбросил свои лохмотья и кинулся в холодную воду. Течение понесло меня вслед за уплывавшим хозяйским добром. Разумеется, арбу я не догнал, более того, я сам чуть не утонул. Дрожа от холода, я вылез на берег у сельской церкви. Здесь меня нашел Осман, прискакавший откуда-то на лошади. Он принялся меня ругать и даже хотел ударить плетью, но подбежавший сельский старшина С. Тарба остановил его.

— Как тебе не стыдно, Осман! — сказал он. — Ты жалеешь кукурузу, а не видишь того, что мальчик едва не погиб. Лучше принеси ему что-нибудь из одежды. Завтра я пойду к Антону и спрошу, какая нужда заставила его отдать сына тебе на истязание?

Осман, видимо, трусил; он поехал домой, а через некоторое время его жена принесла мне какое-то рваньё. Через день вода в реке спала, и мы отправились искать арбу. Поставу арбы, оказывается, задержал мельник попа И. Жордания, а колеса достали со дна реки около церкви. Большинство кочанов кукурузы мы собрали на отмелях реки, куда они были вынесены водой.

Наступил ноябрь. Стало холодно. По утрам жухлая трава покрывалась инеем. Я же так и не дождался обещанных чувяк. Ноги у меня потрескались и кровоточили. Но Османа это совершенно не беспокоило. По-прежнему он заставлял меня работать от зари до зари. Когда к нему приезжали гости, я должен был разувать их, мыть им ноги, грязные чувяки и ноговицы, чистить и кормить лошадей. Однажды Осман взял меня с собой в лес на заготовку дров. Хотя лес был близко, но идти туда через болото и колючие кустарники было очень трудно. Осман показал мне на большое развесистое дерево и приказал обрубить с него ветки. Я залез на дерево и принялся за работу. Сначала все шло хорошо, но чем выше я забирался, тем мне становилось труднее. В конце концов я сорвался и упал в колючки. Весь окровавленный и изодранный я, лишь при помощи Османа, кое-как выбрался из кустарников. Мы спилили дерево, раскололи его вдоль. Дрова надо было переправить домой, но арба через болото не могла проехать, Осман сказался нездоровым, и мне одному пришлось таскать толстые бревна. Кажется, что до сих пор у меня болят кости от той адской работы. Да, нелегкой была моя жизнь у Османа!

В конце ноября Осман дал мне 8 рублей и приказал ехать в Очемчиры за продуктами. Утро было

холодное, сырое. Я, хотя и ехал на лошади, был оборван и бос. В пути я повстречался со школьным товарищем Хурхумалом. Он вез кукурузу на мельницу, был тепло одет и чувствовал себя отлично. Хурхумал стал смеяться над «босоногим джигитом», как он называл меня, издеваясь над моим жалким видом. Я хлестнул его плетью и умчался. Вся накипевшая горечь последних недель, все обиды и оскорбления встали передо мной. Я решил не возвращаться к Осману. В Очемчирах я встретил соседа Османа — Мусу Квирквелия. Купленную провизию я передал ему, сказав при этом:

— Вот лошадь Османа, садись на нее и поезжай домой. Отдай моему бывшему хозяину покупки и скажи, что на них я истратил 4 рубля 30 копеек. Остальные деньги оставил себе для покупки обуви и в оплату за свою работу.

Муса уехал. Я купил себе еды, подкрепился, а затем зашел в магазин Бахва Чачибая, который хорошо знал моего отца и меня. Он очень удивился, увидев меня оборвышем, но ничего не сказал. Я рассказал Бахва о моем решении не возвращаться к Осману и отдал ему оставшиеся деньги, попросив спрятать их. Бахва положил деньги в стол.

— Что ты будешь теперь делать? — спросил он.

— Буду батрачить и копить деньги на учебу.

Вечером, когда мы с Бахва мирно беседовали, в магазин вошла женщина лет сорока. Она была просто, но со вкусом одета. У нее было доброе, счень приятное лицо. Бахва предложил ей стул, она села около прилавка. Бахва сказал ей:

— Скурна, вы просили меня подыскать хорошего мальчика для услуг по дому. Рекомендую вам его. — Бахва указал на меня.

Женщина посмотрела на меня и недоверчиво улыбнулась.

— Вы не смотрите, что он грязен и оборван. Это честный, хороший мальчик, — стал хвалить меня Бахва. — Он умеет выполнять всю домашнюю работу. Вы можете доверять ему, как мне. Только приодеть его, разумеется, надо. Он должен был поступить в духовную семинарию, но отец вместо семинарии отдал его в батраки злему нехорошему человеку.

Скурна подозвала меня и стала ласково расспрашивать.

— Ну, что же, попробую, — решила она.

Мы сели на извозчика и скоро были у нее дома. Хороший, вместительный дом Скурны окружал обширный сад, в котором были такие редкие по тому времени в Абхазии растения как апельсины, лимоны, мандарины, хурма. К саду примыкал хороший огород и довольно большой участок земли, который хозяева сдавали в аренду.

Скурна была дочерью самурзаканского князя А. Арчба. Воспитывалась она в семье его бывшего крепостного крестьянина И. Тунгия. Скурна была хорошая, добрая женщина; она не гордилась своим княжеским происхождением. Совсем другим человеком был ее муж — Ночо Маргания. Это был гуляка и картежник, притом заносчивый и сварливый человек. С ними жила молочная сестра Скурны — Маруша — девушка лет пятнадцати, дочь И. Тунгия. В этой семье я стал жить после побега от Османа.

Прежде всего меня хорошенько вымыли, Скурна дала мне чистое белье. Потом меня накормили и уложили спать на чистую, мягкую постель. Скурна и Маруша сели перешивать для меня ношеную,

но еще хорошую одежду Ночо. Через некоторое время в кухню зашел муж Скурны.

— С него пользы, как с козла молока, — сказал он, взглянув на меня с усмешкой.

Впервые после многих ночей, проведенных в конюшнях Османа, я спал по-человечески. Утром я встал раньше всех, наколот дров, развел огонь в очаге, вывел лошадь, вычистил конюшню. Я не хотел есть хлеб даром. Начал было подметать кухню, но Маруша сказала, что это не мужское дело и отняла у меня веник. Я взял ведро и пошел к колодезю набрать воды. Здесь я нашел золотую пятирублевую монету. Я сразу подумал, что кто-то нарочно подбросил ее, чтобы испытать меня. Стало неприятно, но что поделаешь, мои новые хозяева еще не знают меня. Я отдал монету Скурне и сказал, где ее нашел. Она нахмурилась.

— Это подбросил муж барыни, — сказала Маруша.

Пришел Ночо. Он похлопал меня по плечу и подарил новый башлык.

— Молодец! Ты, оказывается, честный парень! — сказал он.

После завтрака Скурна заставила меня надеть теплые носки и чуваки, потом дала деньги и послала в город постричься, купить себе новую обувь и кое-что из провизии для дома. Выполнив все поручения Скурны, я зашел к Бахва поблагодарить его.

Я подробно рассказываю о первых часах своей жизни у Скурны потому, что они запомнились мне как резкий контраст по сравнению с моей жизнью у Османа. Конечно, я оставался слугой и у Скурны, но здесь были люди, а жадного кулака, каким был Осман, нельзя было назвать человеком. Позже мне рассказали, что Муса передал Осману его лошадь

и покупки и сообщил, как я распорядился оставшимися у меня деньгами. Кулак рассвирепел и поехал к моему отцу требовать удержанные мною деньги. Узнав от Мусы, как обстояло дело, отец мой вышвырнул Османа и навсегда поссорился с ним.

Мой отец не был дурным человеком. Он по-своему любил меня. Но он был темным крестьянином, с малых лет добывавшим себе хлеб тяжелым трудом. Он считал, что и я в десять лет могу уже зарабатывать. Первым его намерением было забрать меня домой. С этой целью он и приехал в Очемчиры. Скурна стала отговаривать его.

— Ваш сын находится у нас всего два дня, а посмотрите на него. Бахва вам, наверно, рассказал, какой у него был вид. А как выглядит он теперь? Поверьте, у нас ему будет хорошо. Мы поможем ему учиться.

Отец колебался. В душе он сознавал, что поступил опрометчиво, послав меня вместо учебы к Осману. Наконец, он согласился и оставил меня у Скурны. Я прожил у нее до сентября 1897 года. Много работал, но зато хорошо отдыхал. Скурна была ко мне очень добра. Она обращалась со мной как с родным. Дружно мы жили и с Марушей, помогали друг другу в работе, вместе гуляли, играли, купались в море. В ту осень я поступил в Очемчирское двухклассное реальное училище. Хотя в Моквинской школе я учился в третьем отделении, но меня приняли только во второе. Сказался год моего батрачества. Очемчирское училище я закончил в мае 1901 года. Очень хотелось продолжать учебу, но как и где, этого я не знал. Помог мне мой старый, любимый учитель — Петр Георгиевич Чарая.

Летом 1901 г. Петр Георгиевич был в Боржоме. Там он встретил окружного наблюдателя церковно-

приходских школ Грузинского экзархата Восторгова, с которым был хорошо знаком. Зашла речь о положении в Моквинской школе. Петр Георгиевич вспомнил меня, рассказал, как я целый год батрачил, как при помощи добрых людей окончил Очемчирское училище, говорил о моем горячем желании продолжать свое образование.

— Жалко, конечно, этого мальчика, — сказал Восторгов. — Знаете что, пока не поздно, привезите его в Сухум. Там сейчас в доме полковника Павского гостит жена директора Ставропольской мужской гимназии Вера Николаевна. Вы передадите ей письмо для ее мужа, которое я сейчас напишу. В письме я попрошу директора принять мальчика в гимназию.

Восторгов тут же написал письмо и передал его Чарая. Петр Георгиевич вернулся в Очемчиры. В магазине Бахва Чачибая он встретил моего отца и рассказал ему о разговоре с Восторговым.

— Антон, твой сын хочет учиться. Не препятствуй ему в этом, — говорил он моему отцу.

— Не губи жизнь мальчика, — присоединился к Чарая Бахва, — отпусти его, пусть учится.

В магазин случайно зашла Скурна с мужем. Они тоже стали уговаривать моего отца отпустить меня в Ставрополь.

— Я выполнила свое обещание, — говорила Скурна, — помогла вашему сыну окончить Очемчирское училище. Теперь дело за вами.

Отец не выдержал такого натиска и согласился. Кто-кто, а он больше всех хотел мне добра. Лишь по темноте своей он боялся отпустить меня. Через день Чарая привез меня в Сухум. Тогда это был небольшой, но достаточно шумный, торговый городок. В нем было много лавчонок, кофеен, духанов,

и, конечно, пыли и грязи. Дома были маленькие, невзрачные. Для меня, не бывавшего дальше Очамчир, Сухум казался большим и красивым городом. Дом полковника Гаевского был одним из лучших в Сухуме. Полковник встретил нас с холодной любезностью. Но пришли его жена и Вера Николаевна. Приехала весьма кстати и Скурна. Полковник поневоле «оттаял» и даже проявил некоторое участие во мне. Петр Георгиевич передал Вере Николаевне письмо от Восторгова. Она устроила мне небольшой экзамен. Мои ответы ее удовлетворили.

— Я еду послезавтра, — сказала она. — Приготовьте мальчика к этому времени, я возьму его с собой.

Скурна тут же дала Вере Николаевне деньги, чтобы она могла купить для меня все необходимое и обещала впредь ежемесячно помогать мне. Через два дня мы пароходом приехали в Новороссийск, откуда направились в Ставрополь.

Меня приняли в третий класс Ставропольской гимназии. Из многих своих друзей-одноклассников, я особенно хорошо помню Тер-Максузяна, тифлисского армянина, хорошо говорившего по-грузински и Метакса, впоследствии известного сухумского врача. Жил я у директора гимназии. У него в доме я был мальчиком на побегушках. Особенно много доставляла мне работы гувернантка детей директора. Это была пожилая молодящаяся женщина с крашенными волосами, злая и ехидная. Она постоянно заставляла меня мыть ей калоши, чистить платье, выполнять всякие мелкие поручения. Но в общем мне жилось неплохо. Учился я хорошо, товарищи меня любили. Так продолжалось несколько лет.

Началась русско-японская война. Хотя мы не

читали газет, но и до нас дошли о ней слухи. В гимназии служили молебны, читали царский манифест, Директор, священник и некоторые учителя говорили нам, что японцы будут разбиты в ближайшие месяцы. Однако, дело обернулось иначе — русская армия отступала, «макаки», как тогда презрительно называли японцев царские чиновники, наступали. Мы недоумевали. Старшие товарищи говорили, что в поражении виноваты не русские солдаты, а бездарные генералы, весь прогнивший царский режим, доведший Россию до разорения. Мы жадно впитывали в себя разговоры о том, что эта война совершенно не нужна народу, она выгодна только капиталистам, которые еще больше наживались на военных поставках. Я вспомнил родную деревню. Из отрывочных сведений, получаемых из дома, я знал, что там, как и прежде, мало радости в жизни крестьян. Горечь сжимала мое сердце.

1905 год. Кровавое воскресенье. Страшное злодеяние царя, по приказу которого были убиты тысячи безоружных рабочих, возмутило всю Россию. Заволновалась и наша гимназия. Мы собирались группами, обсуждали, негодовали, не обращая внимания на попытки учителей нас успокоить. Гимназисты решили протестовать против злодеяния царя и вышли на демонстрацию. Мы кричали: «Долой самодержавие!», «Вечная память жертвам 9 января!». К нам присоединилась и часть учащихся духовной семинарии. Демонстрацию разогнала полиция, гимназия закрылась на четыре дня. наших преподавателей словесности и истории (к сожалению, я не помню их фамилий) арестовали. Гимназического сторожа Белова — отца пятерых детей — обвинили в передаче нам прокламаций и тоже арестовали. Аресты были произведены и в семинарии.

Правительство думало в крови потопить революционное движение, но оно росло, приобретая все больший размах. Захватило оно и Ставропольский край. В городе бушевали стачки и демонстрации, начались волнения и в деревне. Крестьяне захватывали помещичьи земли, скот и инвентарь, убивали наиболее ненавистных полицейских чиновников. В деревню были двинуты войска, начались жестокие усмирения.

Неспокойно было и в гимназии. Особенно волновались те ученики, кто был выходцем из деревни, или был связан с городской беднотой. Таких было меньшинство, но мы были настроены решительно. Не разбираясь, как следует, в борьбе политических партий, мы тем не менее, всей душой были на стороне угнетенного народа, против помещиков, попов, царских чиновников. Наши протесты выливались обычно в конфликты с наиболее нелюбимыми, реакционно настроенными преподавателями. Я был неизменным участником таких протестов. Еще со времени учебы в Моквинской школе я ненавидел попов. В этом сказывалось влияние П. Г. Чарая. В Ставропольской гимназии я, как и многие другие ученики, не любил преподавателя закона божьего — несправедливого и грубого человека. В результате у меня с ним произошло столкновение, имевшее для меня тяжелые последствия. Дело началось с пустяка. 25 мая 1905 года — этот день мне хорошо запомнился — в гимназии шел экзамен по закону божьему. Экзаменовал сам законоучитель отец Иоанн — ярый монархист и мракобес. Он вызвал меня. Я отвечал вполне удовлетворительно. Мой друг Тер-Максузян тихо сказал мне с места что-то смешное по-грузински, и я улыбнулся. Этого было достаточно.

— Ты крамольник! — закричал поп. — Над богом, над православной верой смеешься? Антихрист! Вон из класса!

Мне пришлось уйти. Как ни заступались за меня другие преподаватели, священник не разрешил мне продолжать экзамены.

Экзамены кончились. На заключительном педагогическом совете большинство преподавателей было за оставление меня на второй год в том же классе, в котором я учился, но законоучитель был непреклонен. Он пользовался большим влиянием у губернской администрации и настоял на исключении меня из гимназии. Об этом мне стало известно тотчас же. Кровью облилось мое сердце. В законоучителе я видел своего злобного врага, одного из тех слуг царя, которые всячески и всюду издеваются над народом, угнетают его. Неужели из-за этого мракобеса я не получу образования!? Не помня себя, я схватил палку и, когда педагогический совет кончился и преподаватели стали выходить, ударил священника по голове. Меня посадили в темный карцер на хлеб и воду. Продержали там несколько дней, затем препроводили к военному начальнику и, хотя я еще по возрасту не должен был призываться в солдаты, отправили на Дальний Восток. В сопровождении унтер-офицера меня доставили во Владивосток, зачислили в стрелковую роту пехотного Переволоченского полка, одели в солдатскую форму, дали винтовку, 50 патронов и отправили на фронт. В начале июня я был уже под Мукденом. Так, с головокружительной быстротой, произошло мое превращение из гимназиста в солдата.

Штабная неразбериха, бестолковая суета, плохое снабжение, отсутствие снарядов, разгул и пьян-

ство высшего командного состава, голод и массовые заболевания среди солдат, воровство интендантов и других «героев тыла», очень плохо организованная госпитальная служба — вот что было характерно для русской армии. Все это я видел собственными глазами и испытал на себе. Немудрено, что, несмотря на подлинный героизм солдат и многих младших офицеров, русская армия отступала.

Первого августа японцы перешли в наступление. Наш полк получил приказ занять передовую линию на левом фланге. С помощью инженерной роты мы вырыли траншеи, наскоро установили проволочные заграждения и приготовились к бою. Нас прикрывал Читинский пехотный полк. Началась артиллерийская дуэль, но японцы выставили против нас более сильную и дальнобойную артиллерию. Наши снаряды не долетали до врага, а он, буквально, поливал нас смертоносным огнем. Артиллерийская перестрелка продолжалась весь день. Наши проволочные заграждения были разрушены, японские снаряды все чаще попадали в наши окопы. Вечером Читинский полк, не выдержав огня японцев, отступил, его окопы заняли враги. Мы остались лицом к лицу с японцами. В это время к нам прискакал командир читинцев полковник Ромашевич и крикнул:

— Ребята, не выдавайте!

Мы не оставили в беде своих товарищей. Подавив предварительно своим огнем неприятельские пулеметы, наносившие нам тяжелый урон, наша рота перешла в контратаку. Нас поддержали саперы. Японцы очистили занятые было ими окопы. Во время контратаки я был ранен в голову и потерял сознание. На этом закончилось мое участие в русско-японской войне.

Меня эвакуировали в Киевский военный госпиталь. Большую помощь здесь оказал мне профессор Киевского университета К. Э. Вагнер. Я откровенно рассказал ему, почему несовершеннолетним попал в солдаты, и он не только обеспечил мне хороший уход и лечение, но и добился полного моего освобождения от воинской повинности.

Из газет я знал о событиях, происходивших в России бурной осенью 1905 года. Окончилась русско-японская война, вскрыв всю гнилость царского самодержавия; прогремела всеобщая политическая октябрьская стачка; царь пытался обмануть народ манифестом от 17 октября «О свободах», но трудящиеся, руководимые большевиками (тогда я впервые услышал это слово, но понял его значение много позднее), не поверили царю. Революционное движение нарастало — демонстрации и стачки в городах учащались, все более приобретая массовый характер, в деревнях горели помещичьи усадьбы. В Петербурге и Москве работали Советы рабочих депутатов. Близилось вооруженное восстание в Москве. Жизнь бурлила за стенами госпиталя, я волновался, возмущался действиями царских опричников, но, признаюсь, в то время мечтал лишь о том, чтобы скорее вернуться в Ставрополь и вновь поступить в гимназию.

В конце года меня, наконец, выписали из госпиталя. В Ставрополе я испытал горькое разочарование — в гимназию меня не приняли. Ко всем моим бедам добавилась еще одна — я получил печальное известие: умерла Скурна. Я потерял доброго друга и лишился материальной поддержки. Мне было очень тяжело. Я остался один, без близких друзей, без работы и почти без денег. Тем не менее я не сдавался — продолжал учиться самостоятельно.

но, занимаясь одновременно физическим трудом. Пришлось терпеть голод и холод. Но я по-прежнему стремился к заветной цели — получить образование. Нашлись добрые люди, которые помогали мне в это трудное для меня время.

В 1907 году я сдал экстерном экзамены за полный курс гимназии, получил право преподавать в начальных школах и был направлен на учительскую работу в одно из сел Ставропольской губернии. Так окончилась моя юность.

Глава II.

ГОДЫ СКИТАНИЙ

Проработал я в школе, куда меня направили после получения диплома, всего два года. Мне, выросшему в абхазской деревне, все здесь было непривычным. Крестьяне относились ко мне хорошо, но я чувствовал себя далеким от них. Вероятно, со временем я бы освоился и все бы налажилось, но мое положение было нестерпимо трудным из-за отношения ко мне школьной администрации и некоторых должностных лиц. Ярые руссификаторы и монархисты, каких немало было среди чиновников, видели во мне «инородца», врага «царя и веры православной». Они всячески старались унижить и оскорбить меня. Вспыльчивый по натуре, я не мог сдерживаться: на оскорбления и насмешки отвечал тем же. Дело кончилось тем, что я однажды ударил одного из моих мучителей. Конечно же меня изгнали из школы и лишили права преподавать в дальнейшем.

В 1909 году я вернулся в Абхазию — Сухумский округ, как она тогда называлась. В годы первой русской революции 1905—1907 гг. в Абхазии происходили бурные события. Революционное движение охватило почти все районы края. Но ко времени мо-

его приезда революция была подавлена, лучшие люди, смело поднимавшиеся против царизма, были упрятаны в тюрьмы, или отправлены в ссылку, а некоторые окончили свою жизнь от полицейской пули или на виселице. Черная реакция торжествовала победу. Но народ не забыл тех, кто боролся за его счастье. Он глубоко затаил в себе ненависть к помещикам, царю, купцам, попам. Трудящиеся твердо верили, что наступит день, когда они свергнут своих угнетателей. Внешне все выглядело спокойно. Но это была обманчивая тишина. Кое-где вспыхивали молнии народного гнева. Они предвещали новую невиданную революционную грозу.

К тому времени в экономической жизни Абхазии произошли значительные изменения. Если раньше крестьяне занимались выращиванием в основном кукурузы и фасоли, то теперь все большее развитие получало табаководство. В 1901 году, когда я уезжал из Абхазии, табаководством занимались преимущественно греки и армяне, теперь же оно все больше распространялось среди коренного населения. Крестьянам-табаководам от этого мало было выгоды. Крупные табакопромышленники и спекулянты опутывали их кабальными договорами, давали им задаток под будущий урожай, скупая таким образом табак на корню. Крестьяне продавали табак по ценам, которые были значительно ниже рыночных. Но иного выхода у них не было. Цены на кукурузу падали, а нужда в деньгах возрастала. Развивалось ростовщичество, жирели кулаки, наживаясь на крестьянской нужде. Изменился и Сухум; в нем выросло население, стало больше магазинов и других торговых предприятий, появились курортные гостиницы. Город приобретал известность как курорт для слабых. Пыль же и

грязь в нем оставались прежними. Стали шумнее и грязнее Очамчыры.

И зашел в дом, принадлежавший ранее Скурне. Моей радостно встретила Маруша. Она была замужем, имела детей. Скурна, оказывается, развелась с военным мужем и все свое имущество оставила младшей сестре — Маруше. Я был рад счастью подруги моего детства.

Радостно встретили меня отец, а особенно мать. По случаю моего приезда отец устроил ужин, на который собралось много народа, пришел даже, правда, позванный, отец Максим — мой бывший латинский учитель. Было произнесено много тостов, хороших пожеланий, теплых слов. Под конец я сценарий с отцом Максимом. Когда этот «бородатый негодяй», как мы его называли в школе, обратился ко мне с призывом не идти по пути социалистов, подрывающих «веру православную и преданность царю», я не выдержал и напомнил ему о провокаторе по имени Гапоне, приведшем безоружных рабочих под царские пули. Мои слова вызвали замешательство среди части гостей, но большинство крестьян поддерживало меня.

Дома я чувствовал себя хорошо, но, оставаясь без работы — путь к учительской деятельности, в результате моей ставропольской истории, был для меня закрыт. Оставалось одно — помогать отцу в ведении хозяйства, но отец и сам не плохо справлялся.

Крестьяне в большинстве своем были темные, неграмотные люди, их надо было учить, но мне категорически запретили преподавать. Я близко сошелся с учителем Джальской школы (мы жили в селении Джали, входившем до 1917 года в Моквинскую общину) А. Гардава. Мы подолгу беседовали,

обменивались невеселыми думами, мечтали о будущем. Гардава давал мне книги из школьной библиотеки, но книг в ней было немного, и я скоро их перечитал. Газет в Джали не получали. Тоска все более овладевала мной. Меня мучило сознание того, что я, взрослый человек, сижу на шее родителей.

— Вот ученье до чего довело твоего хваленного сына, — ворчал на мать отец. — Ни богу свеча, ни черту кочерга.

Мать отмалчивалась, я же не знал, куда деваться от стыда. Надо было что-то делать. Я готов был снова наняться в батраки, но помог случай.

В августе 1910 года к нам приехал наш родственник — Евгений Микава, живший в одном из сел Зугдидского уезда Кутаисской губернии. В разговоре с моими родителями он упомянул моего дядю Ислама, который служил в губернском правлении Кутаисского губернатора.

— Дядя Ислам имеет только двухклассное образование, а с ним сам губернатор считается, — важно говорил Евгений. — Что он захочет, то и сделает: черный у него станет белым, а белый — черным.

На семейном совете меня решено было отправить ко «всемогущему» дяде Исламу с просьбой помочь мне устроиться. Дядя и тетя встретили меня хотя и не очень приветливо, но и не прогнали. У них был прекрасный дом, богатая обстановка. По всему было видно, что живут они припеваючи.

— Молодой человек, — снисходительно похлопал дядя меня по плечу, — вам повезло. У нас есть вакантное место регистратора. Оклад 25 рублей в месяц. Если проявите себя, продвинем вас дальше.

И, например, — продолжал дядя самодовольно, — райотам в правлении 25 лет. Было время, когда меня обижали и унижали, но я молчал, терпел, ждал своего часа и дождался: пришло время, и я пошел в гору. Теперь я сам командую чиновниками.

Мне стало не по себе от такой перспективы. Неужели мне суждено стать одним из губернаторских поддальников, которых я так ненавидел? Тетка была умнее дяди. Она догадалась, что его предложение мне не по душе. Она предложила мне отправиться с ней к знакомому ей главному бухгалтеру Кутаисского коммерческого банка. Этот деловой человек, по ее мнению, мог помочь мне. И в самом деле, узнав, что я окончил гимназию, он устроил меня агентом-корреспондентом Иркутской газеты «Торгово-промышленный вестник знания», издававшейся Иркутским торгово-промышленным обществом. Я должен был разъезжать по Черноморскому побережью от Батума до Одессы и собирать для газеты справки о сезонных ценах на различные продукты, заключать договора с промышленниками и торговцами, интересовавшимися сибирскими товарами и т. п. Оклад по тому времени был приличным — 50 рублей в месяц. Кроме того, во время своих поездок я получал суточные и проездные. Конечно, моя деятельность была далека от педагогики, но все же это было лучше, чем закинуть в чиновниках губернского правления. В год я совершал четыре рейса. Бывал в Батуме, Новороссийске, Феодосии, Ялте, Севастополе, Одессе и, конечно, в Сухуме. Это было время хозяйственного оживления в России, сменявшего экономический упадок 1908—1910 годов. Увеличивалось промышленное производство, росла торговля, развивалось частное предпринимательство, возникали новые промышленные общества

и компании, росли прибыли фабрикантов, купцов, а также «благородного» дворянства, не брезговавшего более торговлей и спекуляцией.

Площадь под табачными плантациями в Абхазии превышала к 1913 году 10 тысяч десятин. Абхазские табаки вывозились не только на табачные фабрики Тифлиса, Петербурга, Москвы, но и за границы Российской империи. Сухум буквально кишел табачными спекулянтами. Улицы его были застроены табачными складами, возникали новые банки и банкирские конторы, щедро кредитовавшие табачных торговцев, но ни чем не помогавшие крестьянам-табаководам, положение которых год от года становилось все хуже. Бывая у табачных торговцев и на рынке, я видел, как эти толстосумы одурачивают крестьян. В деревнях я видел, как трудно приходится крестьянам-табаководам. Взяв задаток у торговца, крестьянин попадал в его руки, а обойтись без задатка он часто не мог. Я хотя и видел и понимал всю тягость положения крестьян, но помочь им ничем не мог, да и не знал как и что можно было для них сделать.

В приморских шумных городах, наряду с ростом торговли и богатства, я наблюдал нищих и бездомных, слышал горькие жалобы на трудную жизнь. Но уже начала рассеиваться мгла общественного безразличия, охватившего страну после поражения революции 1905—1907 гг. Все чаще до нас доходили слухи о забастовках и демонстрациях рабочих в Петербурге, Москве и других промышленных центрах страны. Скрытое недовольство порядками, царившими в России, сменялось открытым протестом. Революционные выступления особенно усилились после Ленского расстрела. Я сжимал кулаки от гнева, читая известия об этом злодеянии, и

мое будущее становилась мне моя работа. Сотрудничая в газете, которая обслуживает интересы заводчиков, фабрикантов и купцов, я помогаю своим землякам пить кровь крестьян и рабочих. Эта работа была для меня невыносима. Я решил оставить свою корреспондентскую деятельность. Отец поддержал мое намерение.

До каких пор ты будешь мотаться по свету? — спрашивал он. — Пароход и тот имеет пристань, а ты страннишься, не имея своего угла.

Незадолго до начала империалистической войны я расстался с «Торгово-промышленным вестником абхазии» и поселился в родном селе. Отец выделил мне небольшой клочок земли, я построил на нем домик, кукурузник, заложил сад. Потом женился и начал скромной крестьянской жизнью. Но моя мирная идиллия продолжалась недолго. Грянула война. Меня, как освобожденного от воинской повинности, не взяли в солдаты, но лучше бы меня отправили на войну, чем ежедневно видеть, как прощали новобранцев и запасных, как плакали их жены и дети, как с каждым днем все труднее становилось жить народу. Осенью Сухум обстреляла вражеская эскадра. Город опустел, закрывались лавки, прекращали свою деятельность даже те немногие мелкие промышленные предприятия, которые тогда были в Сухуми. Окончательно разорались табачные плантаторы. Вывоз табака из Абхазии прекратился, спекулянты, пользуясь безвыходным положением крестьян, платили им за табак гроши.

А с фронта шли недобрые вести. Наша армия отступала, говорили об измене генералов, министров. Приближенным царя стал сибирский конокрад и пьяница Григорий Распутин. Он, как говорили,

был любовником царицы и через нее правил страной. Все больше распространялось казнокрадство, взяточничество. Экономическая жизнь страны разваливалась, народ голодал. С фронта же все больше прибывало раненых и калек, все чаще солдатские семьи получали «похоронные» — сообщения об убитых на войне кормильцах. Положение становилось невыносимым.

Летом 1916 года Сухумская городская беднота, поддержанная крестьянами окрестных сел, начала громить продовольственные лавки и склады. Разгром продолжался несколько дней. Характерно, что из разгромленных магазинов никто ничего не брал — все уничтожалось. Солдаты, вызванные начальником Сухумского округа для усмирения бедноты, стрелять в народ отказались.

Жить так дальше нельзя — вот что стало общим убеждением.

Глава III

НА РАСПУТЬИ

Первые сведения о свержении самодержавия и о других событиях Февральской революции были получены в Абхазии в начале марта 1917 года. Тогда же в Сухуме местными «общественными» деятелями из числа членов Сухумской буржуазно-помещичьей городской думы и другими подобными им «народолюбцами» был образован Окружной комитет общественной безопасности, во главе которого стоял крупный абхазский помещик А. Шервашидзе. Членами комитета были также князья, дворяне, представители крупного купечества. Таковы были «новые» власти, сменившие в Абхазии после Февральской революции царского сатрапа — начальника Сухумского округа, которому, кстати сказать, при его отъезде новые правители устроили торжественные проводы. Почти все прежние чиновники остались на местах, были арестованы лишь жандармский полковник и некоторые из наиболее злобных полицейских. «Вывеска новая, а люди все те же», — говорил народ. А столетние старики-крестьяне, покачивая головами, замечали:

Помним мы князя Михаила Шервашидзе; он был владельцем всей Абхазии. Важный был князь,

но хорошего мы мало от него видели. Русские убрали Михаила, вместо него русский царь прислал своих генералов и полковников. Думали, легче крестьянам станет, но опять вся лучшая земля осталась у наших князей и дворян, да к ним еще присоединились русские господа, они тоже много абхазской земли получили.

Теперь, говорят, и русского царя скинули, а князья и дворяне по-прежнему на нашей шее сидят.

Я не слышал в деревне ни одного слова в защиту свергнутой царской власти. Даже поп, местные дворяне и кулаки горой стояли за Временное правительство, за Государственную думу, за образовавшийся в Тифлисе из членов Государственной думы от Закавказья Особый закавказский комитет, сменивший наместника царя на Кавказе.

Крестьяне о Государственной думе говорили мало, она была где-то далеко в Петрограде; в чем заключалась ее роль деревня не знала. От всей Абхазии и Аджарии (Сухумского округа и Батумской области) в Государственную думу избирался лишь один депутат, да и тот, в силу царского избирательного закона, мог быть только крупным землевладельцем или очень богатым человеком. Слышали крестьяне, что депутат за свое сидение в Государственной думе, получает от царя хорошее жалование, а что он там делает, кто его знает? Напомню, что большинство крестьян не знало тогда даже грамоты.

В праздничных манифестациях и митингах прошли первые недели марта. В Сухуме и селах все, казалось, искренне поздравляли друг друга со «свободой», проклинали царизм, ну, а думали не все одинаково. Выступал на митингах и я. Как и все я

ругал царя и его слуг, добавлял к ним князей, дворян, помещиков и других кровопийц, которых ненавидел. Детства крестьянам нравились мои речи. Однако, ответить определенно на вопрос, как строить новую Россию, я не мог. Для меня было совершенно ясно, что крестьяне, прежде всего, хотят окончания проклятой войны и передачи им помещичьей земли бесплатно. В этом я с ними был полностью согласен. А как все это практически сделать, кто должен править страной — тут для меня все было как в тумане. Я внимательно слушал на митингах выступления большевиков и меньшевиков. И те и другие говорили от имени Российской социал-демократии. Я слышал, что они не так давно были даже в одной организации. Большевики говорили:

Надо передать власть Советам рабочих и крестьянских депутатов. Только они могут покончить с проклятой войной, только они обеспечат передачу всей земли бесплатно трудовому крестьянству, фабрикам и заводам — рабочим. Хлеба, мира, свободы! — таковы были лозунги большевиков.

В самом деле, рассуждал я, кто же, как не сами рабочие и крестьяне, лучше знает народные нужды?

Меньшевики возражали: Власть должна быть организована Всероссийским Учредительным собранием, которое установит демократическую республику. Будет так, как во Франции и Америке. Что касается войны, — говорили меньшевики, — то она должна окончиться только полной победой России. Иначе Германия покорит нас, и император Вильгельм снова посадит нам на шею царя Николая. Вообще же вопрос о войне и мире должно решить Учредительное собрание. Оно выработает условия мира. Также и с землей. Только представи-

тели всего народа в Учредительном собрании смогут издать закон о передаче земли крестьянам; позаботится Учредительное собрание и об интересах рабочих.

Мне казались правильными и меньшевистские речи. Плохо будет, если нас победит германский император Вильгельм — он, говорят, родственник нашего бывшего царя, а бывшая царица — немка. Может быть и другие вопросы не следует решать наспех?

Смущало меня и то, что, как я читал в газетах, во многих Советах рабочих депутатов в городах России весной 1917 г. в большинстве были меньшевики и их ссюзники эсеры. Так было и в нашем Сухумском совете.

Большевики не хотели брать власть в свои руки, для чего же было принуждать их к этому?

Я не понимал тогда, что ни о какой свободе выборов в условиях сохранения экономического господства эксплуататоров не может быть и речи, и что будущее Учредительное собрание в этих условиях не может и не будет выражать подлинную волю трудящихся; не понимал, что никакой подлинной свободы для рабочих и крестьян не может быть, пока нет свободы экономической, пока все орудия и средства производства принадлежат угнетателям народа; не понимал и того, что затяжка войны выгодна только международной буржуазии, которая затеяла эту войну, не поделив между собою барыши от грабежа народов.

Мне не приходила тогда в голову мысль о том, что преобладание в первые месяцы после свержения самодержавия в советах меньшевиков объясня-

лось тем, что партия, обрушившая на большевиков свои репрессии, относилась к меньшевикам более мягко, и они сохранили к моменту революции большую часть своих кадров.

В Абхазии большевики в 1917 году не имели своего печатного органа, обычно я читал меньшевистские газеты и они отравляли меня.

Прошло лето, наступила историческая осень 1917 года. В начале ноября были получены первые номера победы Великой Октябрьской социалистической революции. Несмотря на попытки меньшевиков скрыть от народа правду, декреты II Всероссийского съезда Советов — «Об образовании Рабоче-крестьянского Правительства», «О мире», «О земле» — стали скоро известны трудящимся Абхазии. Промышленное большинство народа приветствовало их, видя в них исполнение своих заветных чаяний.

Меньшевики вынуждены были лавировать. Обращаясь в Тифлисе, вместо распавшегося органа Промышленного правительства — Особого закавказского комитета Закавказский комиссариат, отказавшийся признавать власть Совета Народных Комиссаров, они, вместе с другими контрреволюционными партиями, пытались оторвать Закавказье от революционной России. Одновременно, сознавая революционное влияние на массы призывов Великого Октября, они заявляли о своей готовности разрешить земельный вопрос, добиться скорейшего заключения мира и т. д.

В Абхазии росло революционное движение масс, учащались стачки рабочих, крестьяне отказывались платить арендную плату помещикам, захватывали их земли. В Сухумском Совете рабочих депутатов большевики получали преоблада-

ющее влияние. В таких условиях абхазские меньшевики и их союзники в ноябре 1917 года создали в Сухуме так называемый крестьянский съезд. Путем подлогов, запугивания и подтасовок им удалось образовать на съезде большинство, состоявшее из князей, дворян, кулаков, буржуазных националистов и т. п. Подлинных крестьянских представителей было счень мало. На съезде был образован Абхазский народный совет, возглавляемый меньшевиками и националистической интеллигенцией. Основной его задачей было прикрытие антинародной меньшевистской политики, придание ей видимости демократизма.

В декабре Закавказский комиссариат издал «Положение о передаче земельным комитетам земель казенных, бывших удельных, церковных, монастырских и крупных частновладельческих». Несколько позднее подобный декрет издал и Абхазский народный совет.

В конце года Закавказский комиссариат заключил перемирие с Турцией, военные действия на Кавказском фронте прекратились. Эти вынужденные мероприятия меньшевистских правителей определялись нарастанием революционного движения, были продиктованы стремлением во что бы то ни стало сохранить готовую рухнуть власть помещиков и капиталистов. Мне они казались искренними, близкими к декретам II Всероссийского съезда Советов.

Многие, особенно молодые товарищи, которые выросли и получили образование при Советской власти, осудят меня за мои колебания и ошибки. Я сам всю жизнь каюсь в тогдашних своих заблуждениях. Но я жил в темной и нищей деревне среди людей, опутанных предрассудками, неграмотных и

зачастую даже не понимавших пользы образования. Примером этого мог служить мой отец. В школе такие люди как П. Чарая были исключением. Сухие бездушные чиновники забивали нам головы молитвами да «душеспасительными» правилами о необходимости повиновения царю и начальству. Так было в церковно-приходской школе, так было и в Ставропольской гимназии. Скурна, которая сделала мне много хорошего, была добрая женщина, но круг ее интересов был ограничен заботами о семье да печальными переживаниями в связи с неудачно сложившейся личной жизнью. В доме ее не было ни книг, ни газет.

Каждый шаг на пути к образованию давался мне после тяжелой борьбы и усилий. Много раз меня отбрасывали от учебы, но я, стиснув зубы, продолжал добиваться осуществления своей цели — стать не только самому грамотным, но и учить грамоте крестьянских детей. Как это мне удалось при царизме, я об этом рассказал вначале.

О марксизме, о большевиках я слышал еще в 1905 году, но вплоть до революции не читал ничего из марксистской литературы. Моя ненависть к царю и его слугам, к дворянам и капиталистам выражалась, главным образом, в отдельных стихийных резких выходках против царских прислужников и богатеев.

В 1917 г. я жил преимущественно в деревне — в Кодорском участке, — одном из наиболее отсталых районов Абхазии, значительная часть крестьянства которого находилась под влиянием князей и дворян. В Сухуме я бывал редко. Хотя я и слушал выступления большевиков, но, возвращаясь домой, вновь оказывался в окружении, хотя и не князей и

дворян (политику тех я хорошо понимал), но меньшевистствующих обывателей и присных с ними. В результате — я поддался сладким речам меньшевистских лицемеров и в начале 1918 г. стал работать с меньшевиками.

Не вступая официально в меньшевистскую партию, я поступил на службу в меньшевистские земельные органы. В феврале меня назначили инструктором по изъятию, в силу меньшевистского закона, излишков земель у крупных землевладельцев — князей, дворян и т. п. Мне казалось, что этим я как бы участвую в осуществлении многовековой мечты крестьян о получении помещичьих земель.

Действительность скоро развеяла мои иллюзии. По всей Абхазии, за исключением Кодорского участка, весной и летом 1918 года шла вооруженная борьба за Советскую власть, борьба за землю и подлинную волю трудящихся. Я же наивно думал, что меньшевистские лакеи помещиков и буржуазии стремятся к революционному разрешению аграрного вопроса.

Не говоря уже о том, что меньшевистские законодатели лучшие земли, по весьма значительной «норме», оставляли у помещиков, даже изъятие «излишков» было комедией. Уже первые мои шаги в этом направлении вызвали целую бурю протеста князей и дворян, поддерживаемых меньшевистскими партийными органами. Меня обвиняли в «самоуправстве», в «вымогательстве» и т. п. Брань, угрозы, клевета обрушились на мою голову. Я пытался бороться, доказывать законность своих действий, но все мои усилия были тщетны.

Дело кончилось тем, что один из князей — крупнейший землевладелец, недовольный моими действи-

ями по изъятию у него земельных излишков, подал на меня жалобу своему родственнику меньшевистскому комиссару внутренних дел Абхазии М. Убирия. Он обвинил меня во взяточничестве и других уголовных преступлениях. М. Убирия немедленно явился в Очемчиры, вызвал меня в Очемчирский уездный комитет меньшевистской партии и предложил подать заявление о выходе из партии, так как меня привлекают к уголовной ответственности.

— Я не держусь за партию и официально даже не состою в ней, — отвечал я. — Но я требую, прежде всего, своей реабилитации. Передавайте дело прокурору, а потом — поговорим.

К этому времени я уже многое осознал. Я понял, что совершил тяжелую ошибку, связавшись с меньшевистскими лжесоциалистами, залившими кровью города и села Абхазии, болтающими о национальном самоопределении и продающими родину империалистам. Я почувствовал свою вину перед народом. Я видел, как меньшевики, в тесном союзе с помещиками и капиталистами, грабят рабочих и крестьян, но я решил не порывать с ними раньше, чем смою с себя грязное клеймо уголовного преступника. Лишь добившись полной своей реабилитации, я бросил в лицо социал-предателям заявление о своем полном разрыве с ними.

1919 год был трудным годом для Советской страны. Белогвардейские банды, вооруженные и вдохновляемые империалистами, сжимали железное кольцо вокруг Советской России, стремясь задушить при помощи интервентов молодую Советскую власть. Многие черные вороны каркали тогда о скорой гибели Советов, многие малoverы горестно предрекали гибель России. В Грузии и Абхазии

меньшевики, опираясь на штыки интервентов, торжествовали свою «победу» над народом. Свирепствовал белый террор, коммунистическая партия была загнана в глубокое подполье, тюрьмы были заполнены большевиками и сочувствующими им.

Народное хозяйство находилось в полном развале. Население городов и сел голодало — не было предметов самой первой необходимости. Абхазское табаководство фактически сошло на нет. Разорялись и другие отрасли сельского хозяйства. В Сухуме и других городах Черноморского побережья были тысячи безработных. В условиях меньшевистской «демократии» хорошо себя чувствовали только князья и дворяне, купцы и спекулянты, представители меньшевистской власти и алчные интервенты, грабившие страну, расхищавшие ее богатства. Такова была жизнь в Абхазии, когда я, окончательно порвав с меньшевиками, решил обратиться к любимому делу — учительскому труду. Положение школ тогда было очень тяжелым. Затрачивая основную часть бюджетных средств на борьбу с революцией и на содержание своего государственного и партийного аппарата, меньшевики давали на нужды школ гроши. Многие месяцы учителя не получали жалования, школы не отапливались, ремонт зданий не производился, не хватало учебных пособий, мебели. Но я не опускал рук, твердо веря, что за меньшевистской ночью наступит рассвет. В конце 1919 года на фронтах гражданской войны наступил перелом. Коммунисты, вдохновляемые гением Ленина, подняли на борьбу с белыми всех трудящихся. Красная Армия разбила армии Деникина, Колчака, Юденича и других белобандитов. Я верил, что минуют и для Грузии и Абхазии черные дни, что взойдет над нами солнце.

Рядом с моим родным селом Джали расположено, отделенное от него речкой, село Тхина; как и Джали оно входило до 1917 года в Моквинскую общину. Тхина считалось очень бедным селом. Грамотных в нем почти не было. Крестьяне находились в полной экономической зависимости от местных князей Дзяпш-ипа.

— Зачем крестьянину иметь хороший дом, хорошую лошадь, зачем ему чисто одеваться, — надменно говорили князья. Для крестьян это ненужная роскошь. Крестьянину нужна тоха, чтобы полоть кукурузу, лопата и кирка, чтобы копать землю, топор и пила, чтобы заготавливать дрова. Богатство прилично князьям. Так установлено богом.

Подобные речи часто слышались при царизме. Не изменилась крестьянская доля и при меньшевиках. Мало того, им стало жить еще хуже. Полная нищета надвинулась на них. И вот в этом темном, убогом селе я задумал открыть начальную школу. Надо начинать с грамоты, — думалось мне. Тхинцы хорошо меня знали, я помогал им при выделе из Моквинской общины. За помощью я обратился к Фоме Христофоровичу Эшба, моему хорошему знакомому, который тогда работал в школьном отделе Кодорского уездного земства. Здесь уместно сказать, что Ф. Х. Эшба был старейшим абхазским педагогом, начавшим свою учительскую деятельность вскоре после окончания русско-турецкой войны 1877—78 гг. Он родился и вырос в Абхазии, прекрасно знал свой народ, любил его и отдавал все свои силы делу народного просвещения. Недаром абхазский народ называет его дедушкой абхазской школы.

Фома Христофорович горячо одобрил мое намерение.

— Твоя инициатива, — говорил он, — заслуживает поддержки и поощрения. Но не рассчитывай на помощь властей. Из общего бюджета Абхазии на нужды просвещения отпускается лишь несколько процентов. Даже на жалование учителям не хватает. Из-за этого в Кодорском уезде закрылись четыре школы. Но ты не падай духом. Собери крестьян, поговори с ними, добейся их согласия на открытие в селе Тхина новой школы. Главное, надо найти для нее помещение. В остальном, — добавил Эшба, — я помогу, и мы поставим Кодорскую уездную земскую управу перед свершившимся фактом.

Я так и сделал. Поехал в Тхина, где, при помощи сельского комиссара бывшего фронтовика И. Сабекия, собрал сход. Крестьяне согласились с предложением открыть в своем селе начальную школу, но когда возник вопрос о помещении для нее, все замолчали. Тогда крестьянин Г. Дочия, с которым я заранее договорился, предложил:

— Чего нам гадать и ломать себе голову! Пусть князь Чичин Дзяпш-ипа уступит нам свою пустующую лавку. Мы ееотремонтируем, и будет у нас школа¹...

Присутствовавший на сходе князь Ч. Дзяпш-ипа запротестовал, но крестьяне дружно ему заявили:

— Чичин, отдай лавку добровольно, не дашь, — возьмем силой или сожжем.

Два — три года назад подобные речи на крестьянском сходе были бы невозможны, но октябрь-

¹ Абхазские князья и дворяне, ранее презиравшие торговлю, с начала XX века стали заниматься этим «недворянским» делом.

ский ветер долетел и до глухого Тхина. Князь понял, что сопротивляться крестьянам не следует. Он махнул рукой и молча удалился.

Деньги на ремонт школы были собраны в течение трех дней; крестьяне, кроме того, давали доски, балки, гвозди и другие материалы. Я нанял плотников и те немедленно приступили к ремонту. Тем временем я обошел село и составил список детей школьного возраста. Крестьяне повсюду радушно встречали меня.

Окрыленный успехом, я поехал в Очемчиры и там, вместе с Ф. Х. Эшба, доложил обо всем председателю Кодорской земской управы М. Маргания. Тот недовольно поморщился, но поставленный перед свершившимся фактом, утвердил наше начинание. Тхинская школа была внесена в список начальных школ Кодорского уезда. Это был успех.

Тогда же я получил от Фомы Христофоровича учебники и необходимые наглядные пособия: глобус, географические карты и т. д. Довольный и радостный я возвращался в Тхина. Давно уже у меня не было так легко на душе. Первый шаг был сделан. Я чувствовал, что делаю, пусть небольшое, но действительно полезное для народа дело.

В 9 часов утра 10 ноября 1919 года звонок возвестил о начале занятий в Тхинской начальной школе. Это была радостная минута не только для школьников, но и для взрослых крестьян, дети которых впервые сели за школьные парты, и для нас, педагогов, с энтузиазмом принявших за любимое дело.

В феврале 1920 г. в школу приезжал К. Маршания, на которого была возложена ревизия школ Кодорского уезда. Он остался доволен постановкой у

нас учебно-воспитательной работы и особенно отметил высокую посещаемость школы учащимися.

— Это единственная школа в Кодорском уезде, где имеется стопроцентная посещаемость, — заметил он.

Работать было нелегко. Не хватало учебных пособий, подолгу задерживали выдачу жалованья учителям. Ничтожные гроши, получаемые педагогами, не обеспечивали им даже полуголодного существования. Но мы продолжали работать, твердо веря, что недалек тот день, когда солнце подлинной свободы взойдет и над Абхазией.

Глава IV

РАСЦВЕТ

В начале 1921 года, в результате восстания трудящихся, руководимых Коммунистической партией, при братской помощи Красной Армии, ненавистная народу буржуазно-меньшевистская диктатура была свергнута. 25 февраля стал свободным Тбилиси, 4 марта — Сухуми. Меншевистское правительство бежало за границу. Абхазия стала свободной и вошла в единую семью советских народов.

Советская власть принесла Абхазии бурное развитие народного хозяйства, обеспечила быстрый подъем культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию.

Величайшую заботу проявляла и проявляет Советская власть к нуждам народного образования. Уже в первые дни после свержения меньшевистской власти Ревкомом Абхазии (он был до 1 съезда Советов Абхазии высшим советским правительственным органом в Абхазской Советской республике) были организованы органы народного образования — Наркомпрос и уездные отделы народного образования; было отдано распоряжение о немедленном возобновлении занятий в тех школах, где они были прерваны в дни борьбы за свержение мень-

шевистской диктатуры. Возобновил свои действия профессиональный союз работников просвещения (Союз Работпрос), организованный в 1917 году и фактически распавшийся в годы меньшевистской власти.

В нашей Тхинской школе занятия не прерывались. Вместе со всеми трудящимися мы восторженно приветствовали установление Советской власти и с новой энергией продолжали свое дело. Усердно учились и школьники. На них сказывалось общее приподнятое, радостное настроение их родных — крестьян, которые впервые за всю свою многострадальную жизнь вздохнули свободно. Уже весной 1921 года была начата передача помещичьих земель малоземельным и безземельным крестьянам, всего же за 1921 год по Кодорскому участку было передано им около 20 тысяч десятин земли. Это было не лицемерное меньшевистское «изъятие излишков»! Хозяином земли стал тот, кто ее обрабатывал — народ.

В апреле я посетил первого Народного комиссара по просвещению Советской Абхазии Самсона Яковлевича Чанба. Это был обаятельный, тогда еще совсем молодой человек, крупный писатель и общественный деятель. Он и его заместитель старший педагог, автор ряда учебников по абхазскому языку и литературе Андрей Максимович Чочуа¹ энергично руководили трудным и сложным делом строительства новой советской школы.

¹ А. М. Чочуа был после Чанба Народным комиссаром просвещения, потом в течение ряда лет возглавлял Абхазский институт языка, литературы и истории Академии наук ГССР им. Д. И. Гулиа, занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета Абхазской АССР, в настоящее время — персональный пенсионер.

С. Я. Чанба долго дружески беседовал со мной, подробно расспрашивал о нашей школьной жизни и в конце разговора дал мне отношение в плодовый и декоративный питомник, принадлежавший ранее Смецкому, о выдаче мне саженцев для закладки школьного сада.

— Школа должна быть окружена садом, — заметил он, улыбаясь.

В конце мая я приехал в Сухуми на курсы по переподготовке учителей. Организация таких курсов была крайне необходима. Советская власть, поставив перед собой цель широко развить школьную сеть, встретила с нехваткой учительских кадров. Но дело было не только в этом — кадров не хватало и в РСФСР, где Советская власть была установлена раньше; старое учительство оказалось совершенно неподготовленным к решению новых задач, стоящих перед советской школой. Это я чувствовал по себе, понял и из разговоров с другими учителями.

Курсы торжественно открылись в Сухумском городском театре; на них съехалось до трехсот учителей. На открытии выступил заместитель председателя Ревкома Абхазии Нестор Апполонович Лакоба — один из главных руководителей борьбы за Советскую власть в Абхазии — человек, пользовавшийся большой популярностью и любовью среди трудящихся Абхазии.

— Я, товарищи учителя, не знаю педагогики и не могу учить вас, — со свойственной ему скромностью и прямоотой начал Н. Лакоба. — Вот о внутреннем и международном положении советских республик давайте расскажу вам.

Нестор Апполонович просто и ясно рассказал нам о тех усилиях, которые прилагает Коммунисти-

ческая партия и Советское правительство для того, чтобы вывести страну из разрухи, вызванной годами империалистической и гражданской войн, рассказал о новой экономической политике — этом мудром мероприятии, предложенном великим Лениным, о ленинской национальной политике, направленной на обеспечение всестороннего развития всех — и больших и малых — советских народов, о необходимости беспощадной борьбы со всеми проявлениями межнациональной розни среди трудящихся, рассказал о конкретных мероприятиях Ревкома по удовлетворению насущных потребностей рабочих, крестьян, всех трудящихся.

Хотя Н. Лакоба и заявил о своем незнании педагогики, он, говоря непосредственно о роли школы и учительства, сумел очень хорошо определить наше место в великом процессе строительства новой жизни.

— Новая школа, — говорил он, — должна воспитать новых людей, проникнутых преданностью великим идеям Маркса и Ленина, сознательных советских граждан — патриотов. Школа должна прививать детям чувство интернационального братства всех трудящихся. Но для того, чтобы преподавать в советской школе, — продолжал Н. Лакоба, — вы сами, товарищи педагоги, должны учиться и еще раз учиться. Учиться, прежде всего, науке марксизма-ленинизма, должны овладеть основами большевизма. Я твердо верю, что вы выполните это и будете с достоинством носить высокое звание советского учителя.

В заключение Н. Лакоба выразил уверенность в том, что Советская страна под руководством Коммунистической партии преодолет все трудности и препятствия и придет к социализму. Он провоз-

гласил здравицу в честь нашей Советской Родины, в честь великого Ленина, в честь Коммунистической партии, в честь всего советского народа. Не забыл он и нас, пожелав нам плодотворно трудиться в советской школе, быть достойными советскими гражданами.

С того дня прошло много лет, но у меня в ушах, кажется, и теперь звучит гром оваций, которыми мы встретили речь Н. Лакоба.

С содержательными речами, в которых были объяснены задачи новой единой трудовой советской школы, выступили С. Чанба и А. Чочуа. О новых программах преподавания рассказали нам методисты Наркомпроса Г. Барач, В. Стражев и др.

Занятия на курсах продолжались две недели. Они дали нам очень много. Мы разъезжались из Сухуми радостные, довольные, воодушевленные великой целью — нести свет знаний в деревенскую глушь и, в то же время, самим учиться, повышать свою квалификацию.

В 1921 г. Ревкомом Абхазии был издан декрет о школах, согласно которому разделение школ на низшие и средние было упразднено и всем школам было присвоено название Единая трудовая школа. Обучение в школах было установлено бесплатное, совместное и обязательное для всех детей школьного возраста. Основным типом была признана семилетка. Преподавание должно вестись на родном языке учащихся. В развитие этого декрета Наркомпросом было издано «Положение о приеме учащихся в единую трудовую школу на 1921 — 1922 учебный год». Положение предписывало принимать в первую очередь детей трудящихся, для которых обучение в школе при царизме и при меньшевиках было почти недоступно.

Не все установки декрета о школах удалось осуществить в первые же годы после установления Советской власти в Абхазии. Всеобщее обязательное обучение детей было осуществлено значительно позже. Точно также долгое время преобладающим типом сельских школ были четырехлетки. Основными препятствиями к развертыванию школьной сети были нехватка учителей и школьных помещений. За время мировой войны и меньшевистской власти значительная часть учителей, особенно сельских, оставили школы и переменили свою профессию, некоторые же вообще уехали из Абхазии. Громадное большинство школьных зданий в течение ряда лет не ремонтировалось и обветшало, многие же были заняты другими учреждениями.

Для ликвидации нехватки педагогических кадров Ревкомом, кроме открытия в Сухуми абхазского педтехникума и организации курсов по переподготовке учителей, о чем я уже говорил, было издано постановление «Об обязательном возвращении к работе по своей специальности работников просвещения».

Был издан также приказ об освобождении школьных зданий, занятых учреждениями, не имеющими отношения к народному образованию, и передаче их в ведение Наркомпроса. Большую помощь в деле ремонта школ и их оборудования оказывало население. Крестьяне с радостью помогали школам. Особенно большое впечатление на них произвело известие о том, что теперь их дети будут учиться на своем родном языке, и бесплатно. В результате уже в 1921—1922 учебном году в Абхазии был открыт ряд новых школ — абхазских, грузинских, армянских и других. Была объявлена решительная борьба и с массовой неграмотностью и

малограмотностью взрослого населения. Это наследие прошлого подлежало полному искоренению. В этих целях Ревкомом в конце 1921 года был издан декрет «О ликвидации безграмотности среди взрослого населения Абхазии».

Значительные затруднения встали перед школой в связи с недостатком новых учебников. Широкую помощь русским школам оказал Наркомпрос РСФСР, грузинским — Наркомпрос Грузии; получали учебные пособия и армянские школы из Армении. Очень трудное положение было с учебниками для абхазских школ. Таких учебников фактически не было. Но и с этой трудностью справились энтузиасты советской школы. За переводы на абхазский язык русских и грузинских учебников и приспособление их к местным условиям, за составление оригинальных абхазских учебников взялись в срочном порядке такие знатоки абхазского языка, как А. М. Чочуа, основоположник абхазской литературы Д. И. Гулиа и другие.

Горячим одобрением встречали мы, педагоги, перечисленные мною мероприятия советского правительства по развитию народного образования. Мы старались лучше понять основные принципы единой трудовой школы, часто спорили между собой. Громадное большинство учителей приветствовало начинания Советской власти. Недовольны были, главным образом, бывшие преподаватели «закона божьего» — они остались безработными, да некоторые закоснелые чиновники от просвещения.

Осень 1921 года казалась нам весной — так хорошо работалось, такой подъем царил среди учителей. Советская власть проявляла большое внимание и к нашим материальным нуждам. Была налажена регулярная выдача нам заработной платы;

наиболее нуждающимся педагогам выдавалось платье, обувь, белье и т. п. Такая выдача была произведена и после окончания курсов по переподготовке учителей. Помню, как некоторые из учителей, одетые буквально в отрепья, чуть не плакали от радости, получив новую одежду. Они тут же переодевались, чтобы приехать домой уже в новом виде. Никогда в прошлом мы не видели такой о себе заботы.

В начале 1922 года я по семейным обстоятельствам переехал в Гумистинский уезд, в село Команы, расположенное в нескольких километрах от Сухуми. В Команах жили грузины, армяне, греки. Все они в прошлом своей земли не имели, а арендовали ее у находившегося недалеко Команского женского монастыря. Школы в селе не было. Я поговорил с председателем сельсовета В. Тодуа и, вспомнив свой Тхинский опыт, предложил ему собрать сход и поставить на нем вопрос об открытии в Команах грузинской трудовой школы. Тодуа с радостью согласился; поддержал мое предложение и крестьянский сход. Вооруженный общественным постановлением об открытии школы и списком детей — будущих учеников, я отправился в Сухуми. Я знал, что встречу там некоторые сомнения в целесообразности открытия школы во второй половине учебного года, но мне хотелось к весне закончить организационный период с тем, чтобы осенью 1922 года Команская школа работала с полной нагрузкой. Вместе со мной в Сухуми направились три крестьянина — представители схода.

В Сухуми мы побывали в Гумистинском отделе народного образования и в Наркомпросе. В кабинете у С. Чанба мы встретили А. Чочуа и моего старого друга Ф. Эшба, который три года назад так

горячо поддержал меня при открытии Тхинской школы. Мы изложили свою просьбу.

— Их надо поддержать, — первый высказался Ф. Эшба.

С. Чанба и М. Чочуа с ним согласились. Тут же был составлен приказ об открытии в Команах грузинской школы, для нее был выделен штат. Немедленно по распоряжению Самсона Яковлевича Чанба нам выделили необходимое оборудование — парты, классные доски, учебники и т. п. Мы погрузили школьное добро на три арбы и отправились домой.

В Команах нас ждало отремонтированное школьное здание. Под него, по распоряжению сельсовета, был занят дом, принадлежавший ранее Команскому монастырю. Так начала работать Команская школа. Все произошло быстро, без волокиты.

Большую помощь в первые месяцы после начала школьных занятий нам оказывал заведующий отделом народного образования Гумистинского уезда М. И. Атманаки. Он часто посещал нашу школу, давал мне методические указания, а иногда брал с собой в объезд по другим школам уезда, где я ознакомился с работой других преподавателей. С ним я побывал в Константиновской (теперь Одишской), Багмаранской и других школах.

В августе 1922 года меня направили в село Мерхеулы. Здесь существовала школа, но она была совершенно разорена меньшевистскими войсками при их отступлении. Нужны были большие затраты для того, чтобы привести ее в порядок. Руководствуясь своим опытом в Тхина и Команах, я обратился, прежде всего, к общественности. Побывал в сельской партийной организации, в сельсовете. Собрал

ся крестьянский сход. Я доложил ему о необходимости собрать деньги на ремонт школы. Крестьяне сочувственно отнеслись к этому, но денег у них не было.

— С крестьян, обобранных меньшевиками, нам брать нечего, — заявил, наконец, один из крестьян. — Поедем в Сухуми. Там есть хорошие люди, которые охотно дадут деньги на полезное дело.

Вместе с тремя уполномоченными схода, я поехал в Сухуми и с разрешения Н. Лакоба, мы вчетвером в течение нескольких дней собрали необходимые для ремонта нашей школы деньги. Сухумцы отзывчиво откликнулись на наш призыв. Мы собрали два больших мешка так называвшихся бонн — денежных знаков, выпущенных меньшевиками — до денежной реформы они были в обращении в Абхазии. Но пусть молодые читатели не удивляются такому количеству денег. Эти бумажки были совершенно обесценены, и всей кучи «денег» едва хватило на покупку самых необходимых строительных материалов и наем нескольких рабочих.

У нас не было мебели и учебного инвентаря, купить их было не на что. Тогда мои спутники — крестьяне, избранные на сходе, — разыграли в лотерею золотые часы, пожертвованные одним сухумцем. На лотерею были приглашены и горожане. Так мы собрали деньги, необходимые на мебель. Дружная поддержка общественности помогла нам наладить работу Мерхеульской школы.

Кроме меня в этой школе работали Н. Г. Парцвания, а после ее поступления в Тбилисский университет — В. А. Гогуга. Наш маленький коллектив жил очень дружно. Мы всегда помогали друг другу в работе и в собственной учебе. Мы помнили указание Н. Лакоба о том, что учитель, чтобы стать дос-

тойным советским педагогом, должен, в первую очередь, сам учиться, овладевать основами марксистско-ленинской науки. И мы учились, читали центральные и местные газеты, журналы, изучали труды классиков марксизма-ленинизма. В ноябре 1922 года при школе нами был открыт ликбез — один из первых в Абхазии. Его окончило 18 комсомольцев и несоюзной молодежи.

Много споров, недоумений и сомнений в учительской среде вызывал вопрос о самом методе преподавания в единой трудовой школе. Все мы признавали, что советская школа является трудовой не только потому, что в нее открыт самый широкий доступ для детей трудящихся, но и потому, что в ней дети должны получать трудовое воспитание. Мы признавали нашу обязанность всемерно содействовать всестороннему развитию ребенка, но мы не были согласны с установкой одного из циркуляров 1921 года Наркомпроса Грузии, в котором говорилось, что необходимо «давать детям то, чего требует детская душа и возраст, если это даже во все не соответствовало бы обычной солидности обыкновенной школы, а не то, в чем он (ребенок — М. К.) будет нуждаться в будущем для обыденной жизни. Учение для настоящего дня, а не для будущего»¹. Мы же, признаться, думали, что наша задача состоит именно в том, чтобы готовить детей для будущего плодотворного участия в строительстве новой жизни.

Немало вреда развитию советской школы в годы «методомании», как метко выразился в одном из своих докладов С. Чанба, сыграл так называемый

¹ Цитирую по работе Уш. Оболадзе «Общеобразовательная школа в Советской Грузии». Тбилиси, 1959, стр. 42.

мый комплексный метод обучения. Занесенный к нам из США, этот «метод» предлагал вообще ликвидировать всякое деление школьного обучения по отдельным предметам. Приходя в класс, педагог даже не знал порой, о чем он будет говорить — будет ли вести занятия по родному языку, или по естествознанию, по истории т. д. Все зависело от того, каким вопросом в данный момент интересуются ученики. По желанию учеников преподаватель и начинал говорить. Если же у учеников, в связи с его изложением, возникал какой-нибудь смежный вопрос, хотя бы и не относящийся непосредственно к предмету изложения, то учитель должен был немедленно перейти к ответу на него, перескакивая с рассказа о грамматических правилах к ботанике, от ботаники — к географии и т. д. Никакие домашние задания учащимся не давались, ручной труд сводился к играм и забавам. Ни о каком систематическом приобретении знаний учащимися при таком «методе» не могло быть и речи. И это извращение буржуазной педагогики выдавалось тогда некоторыми загибщиками за последнее достижение педагогической науки.

Помню, в 1923 году в Сухуми прехала из Москвы делегация из трех весьма «ученых» людей (забыл их фамилии) с целью познакомить нас, провинциальных учителей, со всеми преимуществами нового «совершенного» метода. Было созвано довольно многолюдное педагогическое совещание. Собравшиеся внимательно выслушали докладчиков, причем на большинстве лиц присутствующих было написано полное недоумение. После кратких выступлений С. Чанба и А. Чочуа, поблагодаривших докладчиков за «интересное сообщение», были открыты прения, но желающих выступать не нашлось. Решили

поставить на голосование резолюцию с выражением согласия с предложениями, выдвинутыми в докладах. Я не выдержал и попросил слова. Я предложил, чтобы наши уважаемые гости посетили одну из сельских школ, расположенных в окрестностях Сухуми, и там перед нами на уроке наглядно продемонстрировали преподавание по комплексному методу. Меня поддержали С. Чанба и А. Чочуа, а также все присутствовавшие педагоги. Мы приехали в школу, среди учащихся которой были и русские, и абхазцы, и грузины, и армяне.

— Н-да, у вас состав учащихся особенный, — нехотя заявили представители.

Из «показательного» урока, разумеется, ничего не вышло. Мы вернулись в Сухуми и здесь приняли резолюцию, одобряющую комплексный метод, но, вместе с тем, предлагающую при применении его в школах учитывать местные особенности.

«Комплексный метод» и другие подобные извращения в педагогике были решительно осуждены Центральным Комитетом ВКП(б). Школа должна давать учащимся систематические знания по отдельным предметам — так сказала Коммунистическая партия при единодушном одобрении всего советского народа.

Во время моей работы в Мерхеульской школе я прошел трехмесячные курсы по переподготовке учителей, организованные Наркомпросом Абхазии. Конечно, главной темой разговоров среди курсантов было обсуждение новых методов преподавания. Этот вопрос волновал всех, и, хотя в нашей среде и были отдельные сторонники «комплексного метода», большинство было настроено к нему резко отрицательно. Мы хотели давать школьникам знания, а не заниматься с ними игрой.

В декабре того же года состоялся Абхазский учительский съезд, на котором были избраны 11 делегатов на учительский съезд Грузии. В их числе был и я. Двое — опытный педагог директор абхазской школы в Сухуми К. Дзидзария и учительница Калдахварской школы Е. Лакоба — были назначены делегатами Абхазии на Всесоюзный учительский съезд, открытие которого было назначено на январь 1925 года в Москве. Но Е. Лакоба не могла добраться в Сухуми из-за снежных заносов (зима 1924—1925 гг. была в Абхазии на редкость снежной); вместо нее был назначен делегатом старый педагог Илорской школы М. Бжания. Его в Сухуми так же не было и ему сообщили об избрании по телеграфу.

Тогда прямого железнодорожного сообщения между Сухуми и Тбилиси не было, и делегатам пришлось ехать сначала по морю (в те дни очень бурному), а потом уже от Батуми по железной дороге.

Съезд учителей Грузии начал свою работу в Тбилиси 3 января 1925 года. В президиуме съезда находились виднейшие партийные и советские деятели республики: руководитель большевиков Грузии Мамия Орахелашвили, его жена — заместитель народного комиссара просвещения Грузии М. Орахелашвили, председатель ЦК Союза Работпрос Грузии Кахиани и другие. На съезде были заслушаны доклады: «О роли советского учителя на фронте культуры и просвещения» (его сделала М. Орахелашвили) и «О роли союза Работпрос в деле мобилизации и направления учительской массы на борьбу с безграмотностью рабочих и крестьян» (Кахиани).

Делегаты с большим вниманием слушали док-

лады, проникнутые стремлением сплотить советское учительство в борьбе за просвещение трудящихся, за выполнение указаний великого Ленина об учительской работе.

В прениях от абхазской делегации выступал К. Дзидзария, перевод его речи (он говорил по-абхазски) делал я.

— Темной и забитой была наша родная Абхазия при царизме, — говорил он. — Громадное большинство крестьян было неграмотно. Очень мало было школ, абхазских же школ вообще не было. Меншевики также ничего не сделали для просвещения народа. Только свет Великого Октября рассеял тьму над Абхазией. Растет с каждым годом в Абхазии число школ и учащихся. Мы имеем теперь школы абхазские, грузинские, армянские и другие. Каждый ребенок может учиться на своем родном языке. И мы, абхазские учителя, отдадим все свои силы и знания, чтобы быть достойными великой чести носить высокое звание советского педагога.

Все выступавшие были единодушны в признании правильности политики Коммунистической партии и Советского правительства в области народного просвещения, что нашло отражение в единогласно принятой резолюции.

Приступили к выборам делегатов на Всесоюзный учительский съезд. Здесь выяснилось, что из двух намеченных нами делегатов Абхазии налицо только один — К. Дзидзария, Бжания же, в силу ряда обстоятельств, в Тбилиси не приехал. Вместо него, был избран я. Вначале я отказывался — чувствовал себя не совсем здоровым и, главное, у меня не было теплой одежды, а в Москве в те дни стояли сильные морозы.

Тогда Мамия Орахелашвили предложил мне свою меховую шубу. Признаться, я был поражен и растроган. М. Орахелашвили был старый революционер, коммунист, имя его было известно по всему Закавказью и далеко за его пределами, я же был скромный беспартийный сельский учитель, мало кому известный даже у себя в Абхазии. Отказываться от поездки я больше не мог.

С большой радостью и волнением мы приехали в Москву — сердце нашей Родины, где еще так недавно звучал голос нашего любимого Ильича. Грустно только сознавать, что уже год прошел, как он навсегда ушел из жизни.

Съезд открылся 13 января 1925 г. в помещении Малого художественного театра. На нем присутствовало до двух тысяч делегатов, съехавшихся со всех концов нашей необъятной страны. Перед нами выступили с докладами А. Луначарский («Учительская армия — надежная опора партии большевиков на фронте культуры и просвещения народов СССР»), Коростелев («Роль союза Работпрос в деле мобилизации учительской массы на борьбу с безграмотностью трудящихся города и деревни»), М. И. Калинин («Школьная комсомольская и пионерская организации — опора педагогического коллектива в его работе в школе»), Н. К. Крупская («Физическое воспитание — составная часть эстетического воспитания учащихся в школе»). Не буду пересказывать содержание этих докладов — все они были опубликованы в печати — скажу лишь о том, что они очень помогли нам лучше понять задачи, поставленные перед учительством Коммунистической партией и Советским правительством. «Съезд сроднил партию и учительскую массу», — сказал М. И. Калинин, выступая на съезде.

Громадное впечатление на всех нас произвело выступление Клары Цеткин. Хотя мы слушали ее речь в переводе (она говорила по-немецки), многие из нас плакали при ее рассказе о поражении германской революции в 1919 г., об убийстве вождей германских рабочих Карла Либкнехта и Розы Люксембург, об ужасах контрреволюции в Германии. Свою страстную речь она закончила выражением твердой уверенности, что наступит время, когда и Германия станет социалистической. На примере Германской Демократической Республики мы видим, как оправдалась уверенность старой коммунистки.

После окончания работы съезда все делегаты посетили мавзолей В. И. Ленина.

В начале октября 1925 года меня вызвал из Мэрхеул бывший тогда народным комиссаром Абхазии А. Чочуа и предложил организовать в селе Эшеры абхазскую школу.

— В Эшерах, — говорил он, — живет много абхазов, но почти все они не знают грамоты. Мы открыли было там школу в доме бывшего помещика Богданова — в нем теперь живет табакосовладелец, арендующий имение у Наркомзема, — но учитель В. Адлейба уехал учиться, и класс пустует. Ты знаешь хорошо абхазский язык, у тебя есть организаторские способности, берись за это дело.

Мне вручили соответствующее отношение в Эшерский сельсовет и я отправился. В сельсовете меня встретил председатель исполкома М. Авидзба. Он был очень приветлив, но прочитал отношение Наркомпроса лишь при помощи секретаря, так как был неграмотный — слепой, как он выразился. На мое предложение открыть школу в доме Богданова, он покачал головой.

— Там сидит арендатор, он не пустит, — опасливо заметил он, поглядывая на секретаря.

Меня это не испугало. Я попросил дать мне провожатого для того, чтобы обойти подворно крестьян и составить список детей школьного возраста.

— А в воскресенье собери крестьян, тогда потолкуем, — сказал я.

Вместе с комсомольцем Сефером Авидзба мы тронулись в путь. Первый же дом, куда мы явились, оказался запертым.

— Все ушли в поле убирать кукурузу, — разъяснила нам соседка и указала направление, куда следовало идти.

По дороге я, привыкший, казалось бы, к красоте нашего края, невольно залюбовался видом, открывавшимся с горы, на которую мы поднялись. Окрестности были как на ладони — зелень, белые домики, солнечный простор моря. Река Гумиста голубой лентой вилась по долине. Появившаяся нивесть откуда стая ворон угрюмо каркала над нами, словно оплакивая кого-то, или призывая какую-то беду. Но на ворон налетел стремительный орел; только пух и перья полетели от черной стаи. Эта картина была символической.

— Здорово, черт возьми! — с восторгом воскликнул мой проводник.

Он рассказал мне, как в марте 1921 г. Красная Армия, как орел, прорвала меньшевистский фронт около Нового Афона и разогнала черные меньшевистские банды.

Наконец, мы добрались и до хозяев закрытого дома. Стали их расспрашивать о детях. Сефер объяснил им для чего это нам нужно. Хозяин не воз-

ражал, чтобы его дети учились, но жена запротестовала.

— Что вы говорите! — чуть не плача, проговорила она. — Я свою дочь (ей было 13 лет) одну не пускаю даже за водой, а вы хотите, чтобы она с мальчишками бегала в школу? Лучше ей сидеть дома неграмотной.

— Оказывается, у тебя, — сказал я по-абхазски, — плохое представление о советской школе. Меня удивляет, что мать двух дочерей и сына, живя рядом с городом, так отстала от жизни.

Я подробно объяснил ей и ее мужу задачи советской школы и, в конце концов, мы расстались друзьями. Обеих их дочерей (сын был еще мал) мы внесли в школьный список.

Всего мы записали в этот день более 100 детей. Этого было достаточно для открытия школы. В воскресенье состоялся многолюдный крестьянский сход. Все единогласно решили занять под школу дом Богданова. Вызвали брата арендатора (сам он жил в Сухуми), но он не пришел. Тогда сход отправил депутацию в город к Н. Лакоба. В нее входил и я. Нестор Апполонович выслушал нас и, усмехаясь, сказал:

— Официально это сделать нельзя, но вы действуйте так: соберите комсомольцев, возьмите две арбы, отправляйтесь к дому Богданова, погрузите в присутствии брата арендатора все их вещи на арбы и отвезите в Сухуми на их городскую квартиру.

Здесь же Н. Лакоба распорядился выдать нам деньги на ремонт и оборудование школы.

Арендатора и его брата из дома мы выдворили,

вещи их перевезли в Сухуми, на деньги, выданные Н. Лакоба, был произведен ремонт, куплен необходимый инвентарь. Эшерская школа стала работать в доме бывшего помещика. Арендатор пытался на нас жаловаться Н. Лакоба, но тот посоветовал ему не ссориться с народом.

Предполагая надолго обосноваться с семьей в Эшерах, я построил там, на выделенной мне сельсоветом общинной земле, небольшой домик в две комнаты и разбил около него сад. Однако, долго пожить мне в своем углу не пришлось. Меня перевели в аппарат Наркомпроса; я по совместительству работал еще техническим секретарем в созданной тогда в Сухуми Академии абхазского языка, во главе которой стоял Д. И. Гулиа.

В Наркомпросе мне часто приходилось заполнять анкеты и выдавать путевки молодым людям, направлявшимся в высшие учебные заведения. Я радовался, конечно, успехам молодежи, так легко шедшей по тому пути к образованию, который для меня был таким мучительно трудным. Все чаще мне приходила в голову мысль: «А как же я? Ведь когда эти молодые люди вернутся в Абхазию с дипломами об окончании высшего образования, таким, как я, придется потесниться». От таких мыслей становилось грустно. Я твердо решил получить высшее образование и посоветовался по этому поводу с А. Чочуа, затем обратился к Н. Лакоба.

— Сколько тебе лет? — спросил Нестор Апполонович.

— Сорок два.

Лакоба улыбнулся:

— Послушай одну китайскую притчу: Когда человек стремится к образованию в юности, его будущее подобно утреннему солнцу, если он отдается

учению в среднем возрасте, оно похоже на полуденное солнце, если же он начинает учиться, когда стар, то его дни будут озарены светом свечи. Но хотя свеча светит не очень ярко, это лучше, чем бродить в потемках. Не смущайся, пробуй. Поезжай в Москву. Поступишь, мы тебе и твоей семье поможем.

Я передал слова Н. Лакоба Андрею Максимовичу Чочуа. И от него тоже получил моральную поддержку.

— Постарайся, — сказал он, пожимая мне руку, — добиться своего, ну, а если у тебя ничего не получится, возвращайся, без работы не останешься.

Я мобилизовал все свои денежные ресурсы, простился с семьей и в средних числах августа 1928 г. выехал в Москву.

Не очень приветливо поначалу встретила меня столица. На третий день после моего приезда у меня украли почти все деньги, осталось лишь на обратный билет. Поеду домой, печально рассуждал я, медленно шагая по московским улицам. Но, как говорится, свет не без добрых людей. Я встретил знакомую учительницу — москвичку, и она посоветовала мне обратиться к Надежде Константиновне Крупской.

— Она замечательный человек и поможет вам поступить в Вечерний педагогический университет, который находится при Академии коммунистического воспитания ее имени. Жить пока можете у нас, мои родные уехали на дачу, и у нас есть свободная комната.

Я был тронут таким вниманием и поспешил воспользоваться приглашением.

На следующий день я отправился в Вечерний педагогический университет. Там мне сказали, что

для поступления в него необходимо иметь ряд документов — свидетельство об окончании девятилетки, метрику и т. д. У меня же с собой было только отношение от нашего союза. Работпрос с просьбой оказать мне содействие при поступлении в одно из московских высших учебных заведений. Когда писалось это отношение я и сам еще не знал, куда буду поступать.

Поехал в Наркомпрос РСФСР, где работала Надежда Константиновна заместителем народного комиссара. Не без робости вошел я в ее кабинет — ведь мне предстояло говорить с самым близким другом и товарищем В. И. Ленина. Надежда Константиновна встретила меня очень приветливо, моя робость исчезла. Я подробно рассказал ей о своем положении и о желании поступить в Вечерний педагогический университет (ВПУ, как его называли).

— Не падайте духом, — ласково сказала она. — У вас есть справка вашего союза с просьбой оказать вам помощь. Главное же вы приехали из Абхазии, к ней у нас особое отношение. Абхазский народ, как и все народы окраин бывшей царской России, только теперь пробудился и тянется к свету, как маленькое деревцо среди большого леса. Владимир Ильич Ленин завещал нам всегда помогать национальным меньшинствам. Это для нас свято.

Она дала мне анкету, предложила заполнить ее и написать заявление о приеме меня в ВПУ и передать все это ей. Я поспешил выполнить указания Надежды Константиновны. Прощаясь со мной, она сказала:

— Я там скажу, чтобы вас внесли в список национальных меньшинств. Надеюсь, экзамены не будут для вас трудными. У вас солидный стаж педа-

гогической работы, это большое преимущество при поступлении.

Надежда Константиновна дала мне программы и список литературы. Сердечно поблагодарив ее, я ушел. Слова моей знакомой учительницы оправдались — Надежда Константиновна была действительно замечательным человеком. Простая и доступная для трудящихся, она была одной из лучших представительниц старой большевистской гвардии.

Достав необходимую литературу (часть ее мне дала моя знакомая учительница), я засел за подготовку к экзаменам. Занимался, буквально, день и ночь, и мои старания не оказались напрасными. Экзамены я выдержал и стал студентом Вечернего педагогического университета. Радостно билось мое сердце.

Начинались занятия. Я слушал лекции по биологии, психологии; Надежда Константиновна нам читала курс лекций по развитию устной речи у учащихся, преподавались и другие предметы.

Материальное положение мое было довольно трудным, но меня это мало смущало, — в молодости мне приходилось хуже. Надежда Константиновна и здесь пришла на помощь. Она выдала мне пособие из кассы национальных меньшинств и обещала регулярную помощь с 1 января 1929 года.

Я был полон самых радужных надежд, но семейные обстоятельства вынудили меня оставить ВПУ и вернуться в Абхазию. Было очень грустно и стыдно перед Надеждой Константиновной, но делать было нечего.

В ноябре 1928 года я уже работал в Гагрском уезде в Калдахварской школе. В ней было два педагога на 105 учеников. Работы было много, но и успеваемость была хорошая. Здесь по поручению

секретаря Гагрского райкома партии Н. Киут я и секретарь калдахварской парторганизации Татьяна Хагуш организовали женское делегатское собрание; вечерами я работал в школе ликбеза. Все дни были заполнены полезным трудом.

Шли годы. Вся страна была в лесах новостроек пятилеток. В Абхазии вырастали новые промышленные предприятия, развивался транспорт, деревня, преодолевая сопротивление кулачества, переходила на путь коллективного хозяйства, все более благоустраивались города и села. Высокое развитие получило культурное строительство, была полностью ликвидирована неграмотность среди взрослого населения, вводилось всеобщее обучение детей в начальных школах. Число учащихся в общеобразовательных школах возросло с 10 тысяч в 1921/22 учебном году до 61 тысячи в 1936/37 учебном году; открывались техникумы, высшие учебные заведения.

Посильную лепту вносили в великие преобразования нашей страны и мы, учителя начальных и средних школ. Учительство всячески стремилось улучшать свою педагогическую работу, участвовало в мобилизации трудящихся на выполнение заданий пятилеток, разъясняло крестьянам политику Коммунистической партии и Советского правительства.

В 1936 году я был переведен в Гальский район, в Отобаевскую среднюю школу преподавателем абхазского языка, одновременно я преподавал абхазский язык и в Пичерской 8-летней школе.

В 1937 году меня перевели в Гали для преподавания в двух находившихся там средних школах.

В начале 1938/39 учебного года я был снова переведен на этот раз в Багмаранскую среднюю школу Сухумского района завучем и преподавателем

русского языка и литературы. И благодаря близости к Сухуми, и благодаря моему знанию литературного абхазского языка, я работал в Государственного педагогического института имени А. М. Горького. Преподавал на факультете русского языка и литературы, занимался хорошо и учением преподавателей русского языка. Начавшаяся Великая Отечественная война помешала моим занятиям. Диплом я получил только позднее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале войны я преподавал в Бирцхинской начальной школе грузинский язык и, одновременно, в Верхне-Яштухской школе — русский язык. Было тяжело, но время было военное, и о себе не приходилось особенно заботиться. Были не голодны, и то хорошо.

В 1942 году меня постигло большое горе. На Калининском фронте погиб мой сын — офицер 8-й гвардейской армии перных войск Константин. Из-за военных действий, мне, несмотря на все мои старания, не удалось даже побывать на его могиле. Похороны были в Москве. Меня утешало лишь то, что сын честно погиб в борьбе за независимость нашей любимой Родины.

С еще большей энергией стал я работать в школе. В каждом из моих учеников я видел сына Константина, и хотя чужой сын никогда не заменил родного, любовь к чужим детям согревала меня.

Много пришлось нам пережить за время войны трудного и печального. Особенно тяжело было в то время бесцельной варварской бомбежки города фашистскими стервятниками в августе — сентябре 1942 года, когда в городе погибло много мирных жителей — стариков, женщин, детей и был разрушен ряд зданий, не имевших никакого военного назначения.

Были, повторяю, трудные печальные дни, но никогда нас не покидала уверенность в том, что дерзкий враг будет разбит нашей доблестной Советской Армией, и наш народ, руководимый партией Ленина, одолеет фашистов. Как и все советские люди, мы, учителя, оставались на своем посту и продолжали учить ребят. С 1943 учебного года я стал работать в Беслетской 8-летней школе. Приходилось от дома до школы ежедневно ходить 10 километров, но я не роптал—солдатам на фронте было труднее.

В послевоенные годы я возобновил свои занятия в Сухумском государственном педагогическом институте имени А. М. Горького и осенью 1951 года получил диплом. Мне было тогда 66 лет. Но я всегда помнил рассказ Н. Лакоба о том, что в старости лучше свет свечи, чем полная тьма. Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили мой скромный труд. Я награжден орденами Ленина и «Трудового Красного знамени», медалью «За оборону Кавказа».

В январе 1956 года я был назначен заведующим педкабинетом Сухумского городского отдела народного образования, а через год в возрасте 72-х лет, вышел на пенсию.

Заканчивая свои воспоминания, хочу сказать, что в них я не старался скрыть свои ошибки и заблуждения. Я больше рассказывал о светлых, хороших днях моей жизни. Ведь мы живем в радостное светлое время, когда старики молодеют, дышится легко и свободно, а все темное тускнеет в памяти.

1962 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Глава I. Юность	5
Глава II. Годы скитаний	29
Глава III. На распутьи	37
Глава IV. Расцвет	51
Заключение	77

М. А. Каландиа
Ажәытә рҭафы иҭуалашәарақуа
(Урыс бызшәала)

მ. ა. კალანდია
ძველი პედაგოგის მოგონებები
(რუს. ენაზე)

Редактор Р. Петрозашвили.

Техредактор М. Хахмигери.

Корректор М. Джикия.

ЭИ00970. Сдано в набор 21.VI.1962г. Подп. к печ. 3.VIII.1962 г.
5 печ. л. 2,9 уч.-изд. л. Заказ № 2664. Тираж 1000 экз.
Цена 7 к.

Типография им. Ленина Грузглавполиграфиздата,
г. Сухуми, ул. Ленина, 8.

Цена 7 коп.